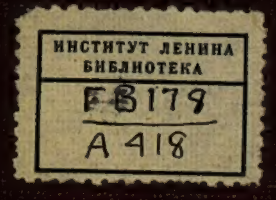
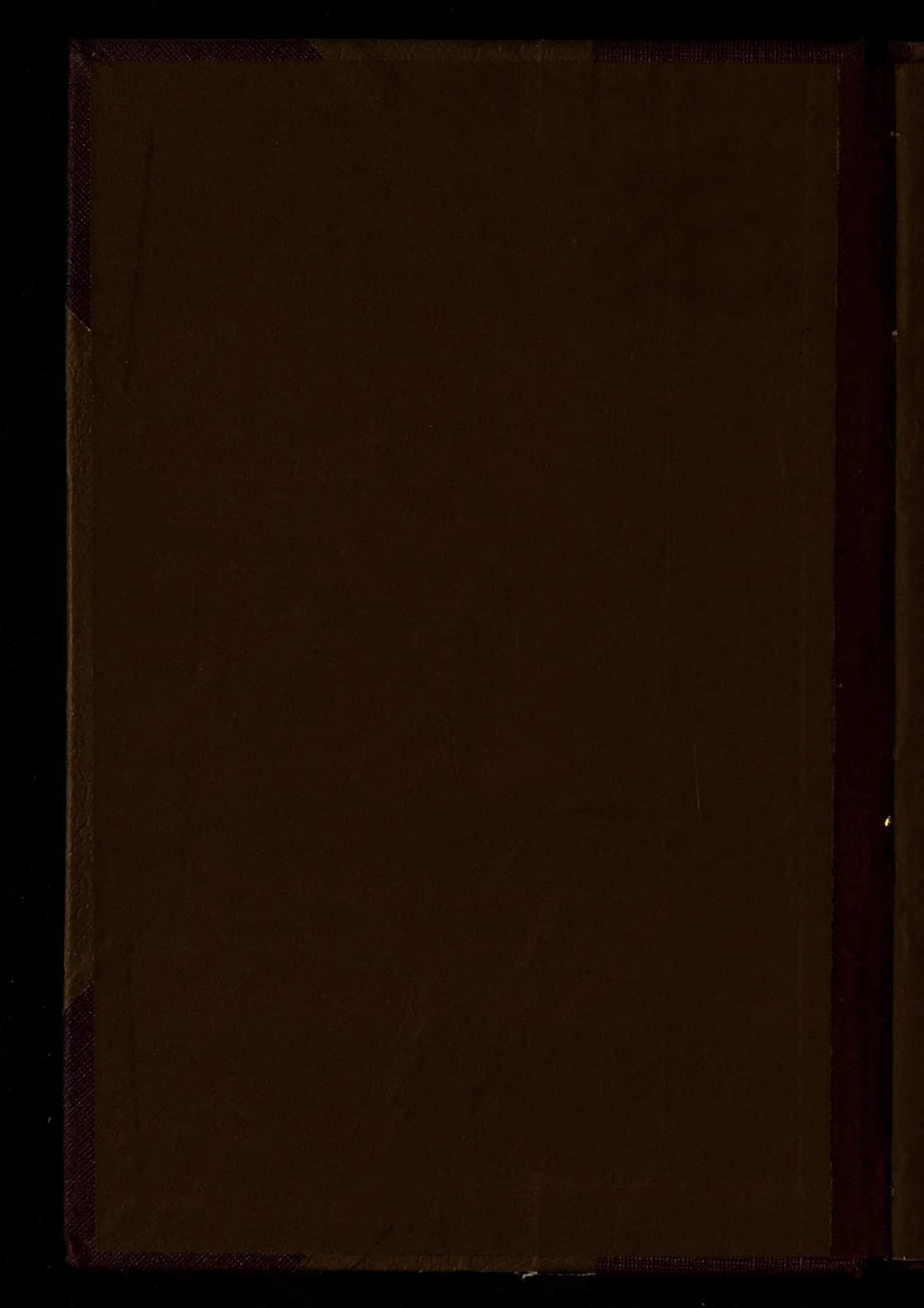
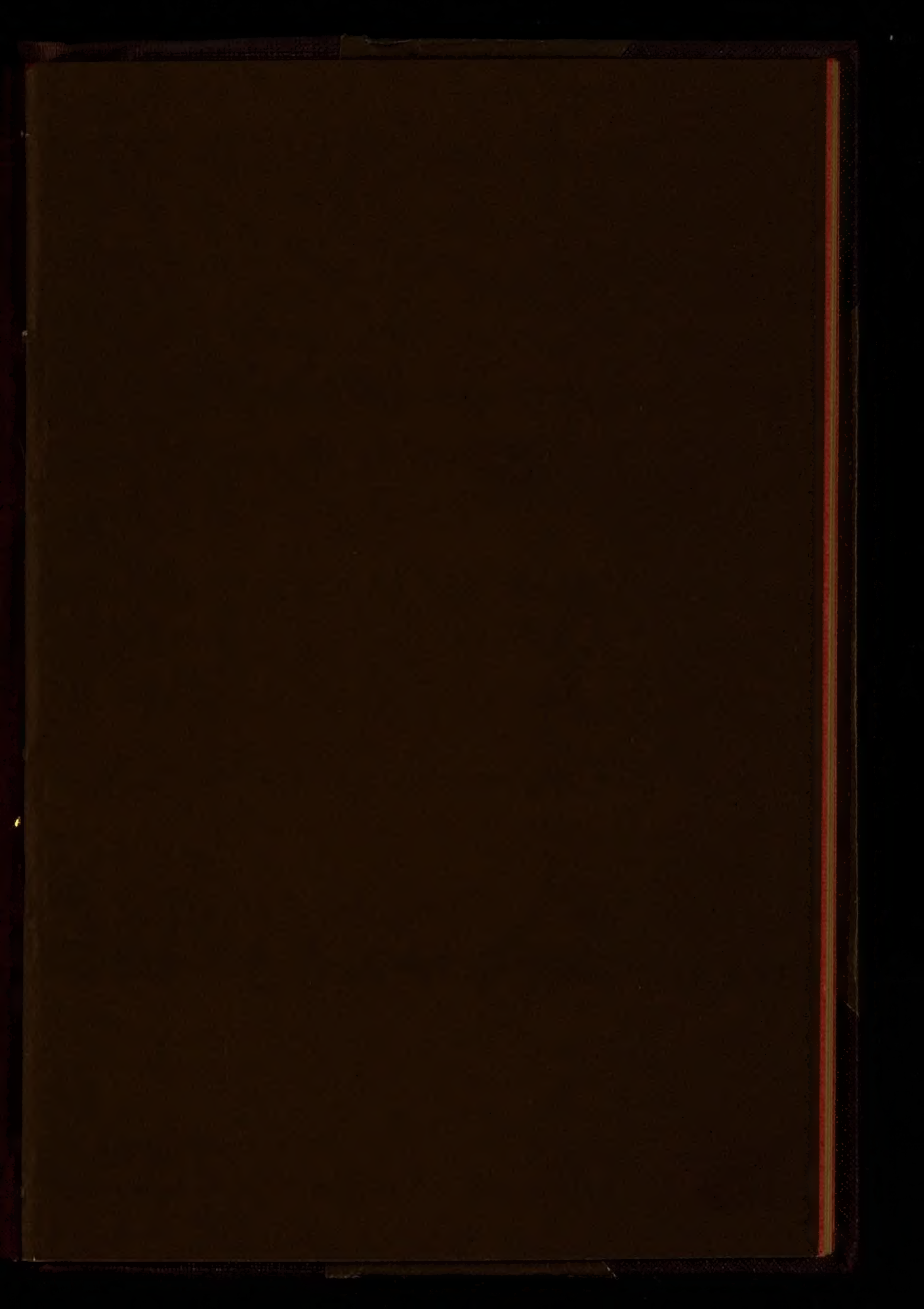
Алексѣевъ

Изъ Исторіи Верховной Власти въ Россіи

В. Алексѣевъ.

Изъ исторіи верховной власти въ Россіи.

Изданіе Н. Парамонова
„Донская Рѣчь"
въ Ростовѣ на Дону.

Цѣна 20 к.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ на Дону.

В. Алексѣевъ—Народовластіе . . 15
Бѣлоконскій—Самоупр. и земство 5
Булгакова—Японія и японцы . . 20
Булгакова—Заря будущаго . . . 25
А. Ѳ. Быкова—Англія и англич. . 15
Б. Б.—Великая франц. революц. 15
Водовозовъ—Всеоб. изб. пр. на Зап 5
Гауптманъ—Ткачи 12
Горбуновъ—Гарантіи личной своб. 10
Н. Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр. 7
Живаго—Освобожденіе Швейцаріи 6
Звягинцевъ—Общ. движ. въ Росс. 15
К. Каутскій—Ирландія 7
К. Каутскій—Прот. клас. инт. . . 15
Каутскій—Развитіе формъ госуд. . 7
Кизеветтеръ—Изъ ист. зак. въ Рос. 15
Кизеветтеръ—Рус. об. въ XVIII ст. 15
Кизеветтеръ XIX вѣкъ въ ист. Рос. 10
Кизевет.—Протопопъ Аввакумъ . 8
Кизевет.—Купецъ-Гражданинъ . 10
Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды . . 15
Мякотинъ На зарѣ рус. общест. . 15
Петрушевскій—Велик. хар. вольн. 15
Пругав.—Прошл. и наст. Шлис. кр. 5
Прокоповичъ—Длина рабоч. дня . 5
Строевъ—Моск. гос. передъ реф. 10
Семев.—Изъ ист. общ. теч. въ 40 г. 15
Б. С. Трудъ и Капиталъ 6
Щерба—Истор. русск. школы . . 10
Лассаль—Сущн. конституціи . . . 8
Дарестъ—Бельгійск. конституція 7
Лассаль—Программа работниковъ 8
Э. Шатріанъ—Ист. одного крест. 20
Рожковъ—Ист. крѣп. права въ Рос. 10
Прокоповичъ—Аграрное движеніе 5
Милюковъ—Верховн. и Шляхет. 15
Карѣевъ—Франц. писат. XVIII в. 10
Государство будущаго . . . . . .
К. Каутскій—Соціальная реформа 25
Жилищный вопросъ 12
Зомбартъ—Соціал. въ XIX вѣкѣ 15
Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в. 20
Гэдъ. Коллективизмъ 4
Сторожевъ—Біографія Грановск. 10
Марксъ—Гражданская война . . 10
Либкнехтъ—Отъ обороны къ напад. 10
Шиппель—Профес. рабоч. союзы 10
Голубевъ—Роль земства 12
Щепкинъ—Зем. и город. Россія о народ. предст. 10
Милюковъ—Исконныя начала . . 5
Дживелеговъ—Отвѣтст. министр. . 3
Амичисъ—Студ. и соц. вопросъ . 5
Общественное движ. въ Японіи . . 6
Голубевъ—Крест. въ Госуд. Думѣ 3
Водов.—Пр. изб. зак. въ учр. собр. 3
Когда въ Росс. оконч. тѣл. наказ. 3
Семевск.—Крѣп. право въ цр. Щедр. 12
Русская исторія ч. I. 10
Русская исторія ч. II. 12
Царь-голодъ 10
48-й годъ въ Германіи 10
Эконом. полож. еврейск. пролет. 4
Мирбо—Дурные пастыри 10
Сватиковъ—Общ. движ. въ Рос. 60
Вересаевъ—Честнымъ путемъ . . 7
Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ . . 4
Книга русскаго рабочаго . . . . 1?
Тунъ—Ист. револ. движ. въ Рос. 50
Госуд. устр. въ запад.-европ. стран. 6
Митинги въ Англіи 10
Страхованіе рабочихъ 15
Парижская коммуна 1870—1871 гг. 10
Кеннанъ—Сибирь и каторга . . . 25
Волкен[illegible]тейнъ—Борьба за народн. предст. въ Англіи 15
Революція въ Вѣнѣ 3
Каутскій—Аграр. воп. въ Россіи . 3
Рубакинъ Русская исторія ч. I. . 15
» ч. II . 15
Впередъ. Сборникъ стихотвор. . 20
Туровъ—Восьмич. раб. день . . . 3
Кабановъ—Катехиз. англ. гражд. 6
Бернштейнъ—Форм. хозяйст. жиз. 12
Приказчичій вопросъ въ Россіи . 4
Васильевъ—Что такое отечество 8
Мазовецкій—Процессъ пролетар. 6
Мартовъ—Пролетарскій праздн. . 4
Жоресъ и Гэдъ—Тактика с.-демок. 5
Толстой—Исповѣдь 15
Сатуринъ—Ирландія . . . .
Захаровъ—Партія правов. поряд.
Прошъ—Послѣдній король . . .
Пругавинъ—Тайны Шлиссельбур.
Іеллинекъ—Бюджетное право . .
Государственныя преступл. т. I. 1 50
» т. II 75
Кабановъ—О налогахъ 2
Князьковъ—Осдобожд. крестьянъ
Каутскій—, Лафаргъ—, Жоресъ— Всеобщая стачка и соціализмъ . . . . .
Петровскій Избиратель. компан. въ свободн. государствахъ . . 4
Эритье—Револ. студенч. во Фр. . 3
Быкова—Гос. уст. С.-А. Штат. . .
Бѣлоконскій—Отъ дер. до парл. . 6
Дитятинъ—Когда воз. розн. въ Рос. 20
Роль—Какъ происх. револ. на Зап.
Петровъ—Прогрес. экон. партія .
Организованный трудъ . . . . .
Долой забастовщиковъ . . . . .
Существуетъ ли барщина . . . .
Данъ—Рабочее движен. и с.-демокр. въ Россіи . . . .
Смерть Импер. Павла I . . . . .
Процессъ 16-ти 25
Морозовъ—Стихотворенія . . . .

В. Алексѣевъ.

Изъ исторіи верховной власти въ Россіи.

Посвящаю горячо любимой женѣ.

Изданіе Н. Парамонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

СОДЕРЖАНІЕ.

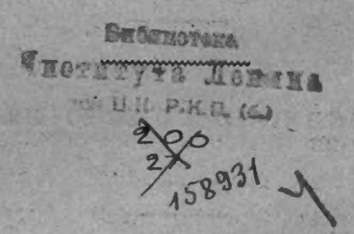
I. Государственное объединеніе Россіи и происхожденіе верховной власти.

II. Верховная власть въ XVI вѣкѣ.

III. Оппозиція общественныхъ силъ московскимъ государямъ.

IV. Верховная власть въ XVII вѣкѣ.

V. Итоги и нѣсколько словъ о національности верховной власти.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.
электро-печатня А. И. Теръ-Абраміанъ.
1906

Изъ исторіи верховной власти въ Россіи.

I.

Связь современнаго государственнаго строя Россіи съ строемъ московской Руси. Попытки практическаго приложенія идеи государственнаго объединенія на русской почвѣ. Почему русское государство образовалось на сѣверо-востокѣ, а не на югѣ? Новый политическій порядокъ, установившійся на сѣверо-востокѣ (удѣльный).

Государственный строй современной Россіи съ верховной самодержавной властью во главѣ, управляющей страной при помощи бюрократіи, имѣетъ своимъ началомъ тотъ государственный строй, который выработался въ эпоху московскаго государства. И въ этомъ смыслѣ современная Россія по существу, а не по формѣ можетъ быть названа продолженіемъ московскаго государства, современные россіяне—„московитами". Политическія реформы XVIII вѣка, произведенныя Петромъ I и его преемниками, рѣзко видоизмѣнившія формы центральнаго и областного управленія, сущность государственнаго строя оставили нетронутой и даже довели ее до крайнихъ предѣловъ. Верховная власть достигла своего зенита, приняла титулъ императора, а управленіе стало вполнѣ бюрократическимъ. Не только сохранился, но еще болѣе распространился и укрѣпился тяглый, крѣпостной характеръ государственнаго строя, составлявшій главную особенность строя московской Руси.

Девятнадцатый вѣкъ, распространившій сословія и введшій мѣстное самоуправленіе, тѣмъ не менѣе

сохранилъ неприкосновенными главные устои государственнаго строя,—самодержавіе и бюрократію.

Всѣ посягательства на неприкосновенность этихъ устоевъ, дѣлавшихся въ теченіе XVII—XIX вѣковъ, оказывались непрочными или отводились властной рукой, и ради безопасности устоевъ были взяты обратно даже незначительныя уступки, сдѣланныя обществу правительствомъ, и государственный строй, взращенный московскими государями и столько разъ подвергавшійся нападкамъ и осужденіямъ какъ со стороны населенія, такъ и съ высоты престола, существуетъ донынѣ во всей своей неприкосновенности.

Въ виду такой тѣсной связи современнаго государственнаго строя Россіи съ строемъ московской Руси, первый можетъ быть вполнѣ понятъ и оцѣненъ по достоинству только послѣ изученія послѣдняго.

Тотъ періодъ русской исторіи, въ который возникло и установилось русское единодержавіе, перешедшее потомъ въ самодержавіе, носитъ названіе „московскаго“, какъ и само русское государство въ этотъ періодъ. Названіе такое, не отвѣчающее дѣйствительнымъ предѣламъ государства, включившаго въ свой составъ значительную часть русскаго населенія, имѣетъ историческое основаніе, указываетъ на происхожденіе русскаго государства. Москва потому дала имя цѣлому періоду русской исторіи, что изъ московскаго княжества вышло русское государство. Москва была центромъ политической жизни Россіи въ эту эпоху, изъ нея началось объединеніе Руси московскими князьями, увѣнчавшееся успѣхомъ и приведшее къ установленію единой верховной власти.

Оба процесса, приводящіе къ образованію московскаго государства, т. е. территоріальный ростъ владѣній московскихъ князей, закладка матеріальной основы ихъ власти и ростъ ихъ власти въ смыслѣ установленія надъ пріобрѣтенной ими территоріей единодержавія,

верховной власти одного изъ членовъ московскаго дома, происходятъ одновременно. Строго говоря, дѣйствіе названныхъ процессовъ не ограничивается предѣлами московскаго государства, т. е. XVII вѣкомъ. Какъ округленіе территоріи московскаго государства, такъ и развитіе верховныхъ правъ московскихъ государей продолжаются на всемъ протяженіи русской исторіи, и даже въ наши дни трудно указать конецъ обоихъ процессовъ, въ особенности перваго. Верховная власть, даже достигши при Петрѣ I высшей точки въ смыслѣ абсолютизма (неограниченности и самодержавія), тѣмъ не менѣе не остановилась на этомъ, продолжала и продолжаетъ развиваться въ своихъ формахъ, юридическихъ основахъ и въ своихъ органахъ. Но послѣдующее развитіе есть развитіе уже данной сущности, такъ сказать, дальнѣйшій ростъ того зерна, которое созрѣло въ московскій періодъ. И потому намъ, поставившимъ себѣ задачей прослѣдить образованіе верховной власти, а не всю исторію ея, нѣтъ надобности выходить изъ предѣловъ XVII вѣка.

Тоже и относительно второго процесса—образованія матеріальной основы власти. Здѣсь мы можемъ остановиться даже ранѣе, на времени присоединенія послѣднихъ удѣловъ. Дѣло въ томъ, что для матеріальнаго упроченія своей власти московскимъ князьямъ достаточно было выполнить ближайшую задачу—объединеніе всѣхъ удѣловъ и сверженіе татарскаго ига. Первое вмѣстѣ съ территоріальнымъ обогащеніемъ устраняло соперниковъ власти (удѣльныхъ князей), а второе—освобождало власть московскихъ князей отъ ханской зависимости, дѣлало ее самостоятельной. И то и другое произошло почти одновременно.

Дальнѣйшее округленіе московскихъ владѣній происходитъ уже за счетъ прямыхъ завоеваній у сосѣдей—частью русскихъ земель, частью чужихъ. Эти завоеванія, раздвигая предѣлы московскаго государ-

ства, для матеріальной опоры власти въ сущности не прибавляютъ ничего существеннаго. Присоединивъ послѣдніе удѣлы, московскіе князья чувствуютъ подъ собой уже достаточно твердую почву.

Такимъ образомъ, опредѣляются хронологическіе предѣлы нашего очерка (XIV—XVII вв.).

Идея государственнаго объединенія была главнѣйшей политической идеей того времени, о которомъ у насъ рѣчь и руководящимъ началомъ многихъ государей. На западѣ Европы представителями ея были, напримѣръ, Капетинги во Франціи. Собираніе разрозненныхъ земель въ одно цѣлое было, такъ сказать, потребностью времени, необходимою ступенью къ образованію государства. Неудивительно, что идея собиранія, объединенія возникла и на русской почвѣ, и русское государство образовалось такъ же, какъ и нѣкоторыя западно-европейскія, путемъ собиранія.

Первая попытка государственнаго объединенія Руси была сдѣлана на юго-западѣ галицко-волынскими князьями, потомками Романа Великаго. Имъ удалось объединить отдѣльныя волости галицко-волынскихъ земель и въ XIV вѣкѣ они уже называютъ себя въ сношеніяхъ съ нѣмецкимъ орденомъ „королями русскими и князьями владимирскими“ или „князьями всей Малой Россіи“. Однако, близкое сосѣдство Литвы, которая тоже предприняла объединеніе и покусилась на русскія княжества, погубило дѣло юго-западныхъ князей. Они принуждены были подчиниться Литвѣ, и юго-западная Русь вошла въ составъ литовскихъ владѣній. Въ исторіи этой кратковременной попытки государственнаго объединенія весьма любопытны черты государственнаго порядка, установившагося, или, лучше сказать, сохранившагося отъ старины въ это время въ галицкой Руси. Онѣ показываютъ, какимъ путемъ шло

здѣсь объединеніе и какую государственную форму оно имѣло принять. Оказывается, что въ политической жизни края въ это время вмѣстѣ съ княземъ играли большую роль боярство и дружина и былъ въ полной силѣ органъ народовластія—вѣче. Договорныя грамоты юго-западной Руси съ нѣмецкимъ орденомъ написаны не только отъ имени князя, но и отъ имени знатнѣйшихъ бояръ и дружины. Народъ, граждане принимаютъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ литовскими князьями, руководятъ ею. Послѣ паденія г. Луцка бояре всей Волыни признаютъ своимъ княземъ Гедимина, выговорили себѣ сохраненіе правъ, обычаевъ и вѣры. Сдача Кіева литовскому князю происходитъ по рѣшенію народнаго вѣча... Очевидно, тлетворное вліяніе на народные обычаи и учрежденія татарскаго ига здѣсь не пошло такъ далеко, какъ на сѣверо-востокѣ, гдѣ татары были ближе и гдѣ въ описываемое нами время вѣчевой бытъ приходилъ въ упадокъ.

Галицкая попытка государственнаго объединенія была единственной попыткой такого рода на югѣ Руси.

Почему же, однако, не было сдѣлано здѣсь ни до, ни послѣ болѣе плодотворной попытки? Почему Русь не собралась и не образовала прочнаго государства въ кіевскій періодъ, когда были брошены первыя сѣмена государственной жизни и политическія начала, которыми жила кіевская Русь, исчезли безслѣдно изъ русской жизни?

Въ домосковскій періодъ было два политическихъ центра, изъ которыхъ могло бы произойти государственное объединеніе—Кіевъ и Новгородъ. Однако, ни тотъ ни другой этого не сдѣлали.

Новгородъ при отдаленности и полной изолированности своей не могъ выполнить такую задачу. Да онъ никогда и не обнаруживалъ къ этому стремленій. Наоборотъ, Новгородъ всегда чуждался политической жизни низовой Руси, сторонился ея и даже относился

враждебно къ ней. Кромѣ того, формы политической жизни самого Новгорода, городской общины, города-республики, исключали возможность расширенія его предѣловъ до объединенной Руси. Новыхъ же формъ политической жизни на томъ же принципѣ народовластія Новгородъ не успѣлъ выработать. Въ періодъ броженія и разложенія старыхъ формъ явилось московское единодержавіе и уничтожило самый Новгородъ, какъ самостоятельное государство-городъ.

Кіевъ въ этомъ отношеніи подавалъ больше надеждъ. Онъ былъ центромъ всей низовой Руси, пульсомъ ея, біеніе котораго чувствовалось даже въ далекой новгородской области, „матерью русскихъ городовъ", столицей великаго князя. И населеніе кіевской Руси, несмотря на то, что раздѣлено было на самостоятельныя отдѣльныя земли—княжества, сознавало свое единство. „Русская земля"—часто на устахъ народа и князей. И это не пустой звукъ. Ихъ дѣйствительно объединяло единство происхожденія, единство вѣры послѣ принятія христіанства, единство княжескаго рода, наконецъ, общность интересовъ въ дѣлѣ охраны страны отъ внѣшнихъ враговъ. Кругъ дѣятельности князей не ограничивался предѣлами одного княжества. Они заключаютъ между собой союзы, съѣзжаются на съѣзды, предпринимаютъ совмѣстные походы на „поганыхъ", совершаютъ акты, имѣющіе общерусское значеніе („Русская правда", торговые договоры съ греками).

Но наряду съ этими несомнѣнными элементами земскаго единства, существовали не менѣе несомнѣнные элементы земской розни. Составныя части народонаселенія южной Руси, по словамъ историка Соловьева—„только еще несогласныя начала вещей въ общественномъ хаосѣ: князья съ дружинами жили сами по себѣ, города сами по себѣ, пограничные народцы сами по себѣ", и каждое княжество, каждая земля сама по себѣ—добавимъ мы съ своей стороны.

„Легко было перессорить князей родичей, ничего не стоило разрознить интересы князей съ интересами граждань и пограничныхъ народцевъ.“ Элементы розни вездѣ существуютъ одновременно съ элементами единства, но обыкновенно послѣдніе перевѣшиваютъ первые. Въ южно-кіевской Руси соотношеніе силъ центростремительныхъ и центробѣжныхъ, очевидно, было обратное. И вслѣдствіе этого получалась совершенно своеобразная картина жизни кіевской Руси.

Все населеніе постоянно переходитъ съ мѣста на мѣсто, движется по княжествамъ. Движется боярство, дворянство, движутся крестьяне. Связи, завязывающіяся между населеніемъ и мѣстностью и между населеніемъ и властью, т. е. князьями, безпрестанно порываются, завязываются вновь и опять разрываются.

„Чтобы удержать всѣ части въ связи, надобно было, чтобы движеніе, знаменующее первый богатырскій періодъ (русской исторіи), не прекращалось, чтобъ представители историческаго движенія, князь и дружина, не прекращали своего движенія, но перебѣгали бы безпрестанно огромныя пространства восточной равнины, не давая волостямъ обособляться, возбуждая ихъ безпрерывно къ общей жизни“. (Соловьевъ). Однако, это мало помогало. Власти, руководители политической жизни, не поспѣвали за населеніемъ, движеніе продолжалось и всѣ формы частной, общественной и государственной жизни дѣлались крайне неустойчивыми и измѣнчивыми. Едва-ли нужно доказывать, что такая подвижность, текучесть составныхъ частей русскаго населенія, сильно препятствовала образованію государства. Современное ученіе о государствѣ требуетъ для образованія государства опредѣленной территоріи, опредѣленнаго состава населенія и опредѣленной власти. Въ кіевской Руси безпрестанно мѣнялась территорія, на которую простиралась княжеская власть, мѣнялось количество и составъ населенія и сама

власть княжеская, стоя рядомъ съ народнымъ вѣчемъ, оспаривавшимъ у князя власть, не была единой и подвергалась всѣмъ случайностямъ. Очевидно, для образованія прочнаго государства необходимо было прежде всего, чтобы измѣнчивость уступила мѣсто устойчивости и опредѣленности, и прежде всего „жидкое", по выраженію историка Соловьева, состояніе населенія перешло въ твердое. Пока же это не произошло, не могло образоваться устойчивыхъ формъ государственной жизни. И неудивительно, что южная Русь, „несмотря на внѣшній блескъ своего быта, не могла устоять ни противъ стремленія сѣверныхъ князей, потомковъ Долгорукаго, ни противъ натиска азіатской орды."

На сѣверо-востокѣ въ этомъ отношеніи условія сложились болѣе благопріятно—какъ естественныя, такъ и политическія.

Давно уже замѣчено вліяніе природы на человѣка, а отсюда и на формы его частной и общественной жизни. Особенно рѣзко выступаетъ вліяніе природы при сравненіи жителей юга съ жителями сѣвера. И вотъ, на историческихъ судьбахъ Россіи вліяніе природы выразилось, по мнѣнію историка Соловьева, въ томъ, что государство русское создалось на сѣверѣ, а не на югѣ, хотя началась государственная жизнь на югѣ. Естественно-географическія условія сѣвера сдѣлали русскихъ болѣе способными сравнительно съ южанами къ созданію прочныхъ формъ государственной жизни.

Соловьевъ объясняетъ это такимъ образомъ:

„Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, какъ это было въ кіевской Руси, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго какъ тѣлесную, такъ и умственную; пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно". И потому кіевская Русь не создала прочнаго государства.

„Природа же болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и нелегкаго труда со стороны человѣка, какъ это было на сѣверо-востокѣ Руси, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію народы окружные, отличающіеся другимъ характеромъ".

И дѣйствительно, государство, заложенное на сѣверо-восточномъ суглинкѣ, оказалось чрезвычайно прочнымъ.

На сѣверо-востокѣ произошло то, что не могло произойти въ кіевской Руси и что препятствовало созданію прочныхъ политическихъ формъ. Здѣсь, наконецъ, прекратилось безпрерывное движеніе населенія и оно мало-по-малу усвоило осѣдлый образъ жизни. Произошло это, конечно, не сразу. Сначала прочно усѣлся князь, а затѣмъ стало постепенно осаживаться и все населеніе; такимъ путемъ у князя и у населенія образовалась тѣсная связь съ данной мѣстностью, явился мѣстный интересъ, который конкретно выразился въ хозяйственной эксплоатаціи края, въ разработкѣ его естественныхъ богатствъ и въ возникновеніи земледѣлія, торговли и промышленности. Другими словами— обозначилось очень важное для созданія прочнаго государственнаго организма условіе—въ видѣ мѣстнаго интереса, привязанности населенія къ данной мѣстности, связь его съ краемъ при помощи тѣснѣйшихъ изъ узъ—матеріальныхъ.

Когда князь прочно усѣлся въ своемъ княжествѣ, то онъ сдѣлался центромъ мѣстности, къ которому стало тяготѣть мѣстное населеніе. Подобное тяготѣніе было тѣмъ естественнѣе, что населеніе во многомъ было

обязано князю. Первый осѣдлый житель, князь, былъ и первымъ воздѣлывателемъ края. Поселенцы „являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь; князь строитъ городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы; насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ“.

Такимъ образомъ, за первымъ государственнымъ элементомъ (мѣстный интересъ) явился и второй въ видѣ правительственнаго центра, постоянной и опредѣленной правительственной власти, связанной съ населеніемъ тоже прочными матеріальными узами (княжеская власть).

Изъ новыхъ условій возникъ и новый политическій порядокъ, отличный отъ порядка южно-русскаго и извѣстный въ нашей исторіи подъ именемъ „удѣльнаго.“ Особенности его состояли въ слѣдующемъ:

На югѣ Руси, въ кіевскій періодъ, русская земля разсматривалась какъ общая собственность цѣлаго княжескаго рода, а отдѣльные князья были лишь временными владѣльцами доставшихся имъ столовъ и земель—княжествъ. Этимъ, согласно порядку очередного владѣнія княжествами, объясняется передвиженіе князей и вмѣстѣ съ ними населенія. На сѣверо-востокѣ Руси русская земля перестала быть собственностью цѣлаго рода князей. Она разбилась на отдѣльныя княжества—удѣлы, какъ ихъ стали здѣсь называть, и каждое такое княжество—удѣлъ стало собственностью того князя, которому оно досталось—вотчина. Изъ временныхъ владѣльцевъ князья обратились въ постоянныхъ собственниковъ своихъ княжествъ. Фактъ—чрезвычайно крупный въ исторіи политической жизни Россіи.

Удѣлы соединялись въ болѣе крупныя земельныя единицы – въ „земли“ (ростовско-суздальская, тверская, рязанская и т. д.). Въ каждой „землѣ“ былъ, подобно южно-русскому обычаю, свой стольный городъ и свое

великое княженіе. Такимъ образомъ, былъ великій князь ростовскій, затѣмъ владимирскій, великій князь тверской, рязанскій и т. д. Великокняжескій столъ передавался по старшинству, по крайней мѣрѣ, первое время; удѣльныя же княжества передавались по отчинному началу, т. е. отъ отца къ сыну, внуку и т. д. по прямой нисходящей. Стало быть, при раздробленіи сѣверо-восточной Руси на обособленныя земли—княжества, въ предѣлахъ отдѣльныхъ княжествъ еще была общая связь въ видѣ великаго княженія, которое разсматривалось какъ общее достояніе князей данной земли. Удѣльныя же княжества обратились въ совершенно обособленныя владѣнія на правахъ полной собственности ихъ князей.

Позднѣе и великое княженіе сдѣлалось принадлежностью одного княжескаго дома—московскаго и, въ концѣ концовъ, даже вотчиной одного князя.

Управленіе въ удѣльномъ княжествѣ имѣло довольно своеобразный характеръ. Князь смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на хозяйство, изъ котораго надо извлечь возможно больше дохода. Поэтому онъ не столько управлялъ имъ, сколько эксплоатировалъ его, хозяйственныя обязанности князя совершенно не отдѣлялись отъ правительственныхъ. „Государь“ все время заслонялся „вотчинникомъ“, и княжескіе „приказчики“ вмѣстѣ съ тѣмъ были и его „чиновниками“.

Такой переходъ со стараго кіевскаго основанія политическаго порядка на новый произошелъ, конечно, не сразу. Сѣверо-восточная Русь, заселенная въ значительной степени выходцами изъ южной кіевской, хранила традиціи своей первой родины, и наряду съ новыми политическими теченіями жили старыя. Но несомнѣнно, новыя возобладали надъ старыми и особенно рѣзко обозначилось отмѣченное новое положеніе князя. Изъ него вытекъ цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ политическихъ послѣдствій, сдѣлавшихъ возмож-

нымъ объединенie Руси. Подъ влiянiемъ удѣльнаго порядка Русь сначала раздробилась, а потомъ объединилась.

Благодаря тому, что князья смотрѣли на удѣлы какъ на свою личную собственность, удѣлы дѣлились между всѣми наслѣдниками и, переходя изъ поколѣнiя въ поколѣнie, все болѣе и болѣе дробились. До какой степени быстро шло и какихъ размѣровъ достигало такое прогрессивное раздробленie можно видѣть на примѣрѣ ростовско-суздальской земли. По смерти Всеволода—Большое Гнѣздо ростовско-суздальское княжество распадалось на 5 частей, при чемъ изъ Владимирскаго княжества, которымъ дѣти владѣли сообща, выдѣлились 4 удѣла: Ростовскiй, Переяславскiй, Юрьевскiй и Стародубскiй. Въ слѣдующемъ поколѣнiи, при внукахъ Всеволода, изъ Владимирскаго княжества выдѣлилось еще три новыхъ удѣла: Суздальскiй, Костромской и Московскiй. Изъ Ростовскаго княжества тоже выдѣлились новые удѣлы—Ярославскiй и Углицкiй, какъ и изъ Переяславскаго—Тверской и Дмитрово-Галицкiй. Остались безъ измѣненiя только Юрьевское и Стародубское княжества, такъ какъ здѣсь было только по одному наслѣднику. Такимъ образомъ, во второмъ поколѣнiи послѣ Всеволода явилось 12 частей изъ оставленныхъ имъ 5. Дробленie пошло дальше и, напримѣръ, Ростовское княжество, распавшись сначала на Ярославское и Углицкое, послѣ разбилось еще на собственно Ростовское и Бѣлозерское, а послѣднiя въ свою очередь стали раздробляться на болѣе мелкiя части. Такъ, Бѣлозерское въ теченie XIV и XV вѣковъ раздѣлилось на слѣдующiе удѣлы: Кемскiй, Согорскiй, Ухтомскiй, Шелешпанскiй, Андожскiй, Вадбольскiй и другie. А Ярославское за то же время разбилось на удѣлы—Моложскiй, Сицкiй, Заозерскiй (на берегу Кубенскаго озера), Кубенскiй, Курбскiй, Новлинскiй, Юхотско-Бохтюжскiй и другie.

Дробленіе, несомнѣнно, продолжалось и далѣе, пока не было остановлено московскимъ объединеніемъ. До какой степени далеко заходилъ процессъ раздробленія удѣловъ показываетъ примѣръ изъ исторіи Заозерскаго удѣла, приводимый проф. Ключевскимъ.

Одинъ изъ сыновей владѣльца этого удѣла постригся въ мѣстномъ монастырѣ и изъ житія этого князя-инока мы узнаемъ, что такое представляли владѣнія его отца, кн. Дмитрія Васильевича. Княжескій дворъ съ усадьбой при впаденіи р. Кубени въ озеро, церковь во имя Дмитрія Солунскаго и приходъ церкви—Чирково Весь. Таковы размѣры Заозерскаго княжества. Это скорѣе вотчина мелкопомѣстнаго собственника, чѣмъ княжество.

Процессъ раздробленія, отмѣченный нами для Ростовско-Суздальской земли, происходилъ и въ другихъ княжествахъ сѣверо-восточнаго края. При такихъ условіяхъ сѣверо-восточной Руси угрожало, въ полномъ смыслѣ этого слова, „распыленіе".

Территоріальному раздробленію соотвѣтствовало, такъ сказать, моральное и политическое раздробленіе. По словамъ изслѣдователей удѣльнаго періода русской исторіи, въ это время замѣчается полный упадокъ земскаго единства и оскудѣніе нравственно-гражданскаго чувства. Какъ замѣчаетъ проф. Ключевскій: „однимъ изъ самыхъ важныхъ послѣдствій" катастрофы кіевской Руси „было то, что замутилось понятіе о единой Русской Землѣ, воспитанное въ обществѣ политическими, экономическими и церковными связями. По крайней мѣрѣ, съ половины XIII вѣка литературные памятники, особенно лѣтописи, употребляютъ выраженіе *Русская Земля* далеко не такъ часто и не съ такою любовью, какъ это было въ *XII* вѣкѣ. Общественныя понятія людей сузились и локализировались, какъ тѣ мелкіе областные міры, на которые внѣшними

и внутренними ударами разбивалась Русская Земля Ярослава Стараго и Мономаха“.

Частые въ кіевской Руси съѣзды князей теперь прекращаются. Князь сидитъ въ своемъ удѣлѣ и занятъ одной мыслью собственнаго обогащенія. До другихъ княжествъ ему нѣтъ дѣла, кромѣ того случая, когда можно что-нибудь оттягать, „примыслить“. Такой политики держится каждый князь. Областной эгоизмъ въ полномъ разгарѣ.

Едва ли нужно доказывать, что то и другое раздробленіе было одинаково опасно для цѣлости Руси. И однако, какъ это ни странно съ перваго взгляда, благодаря именно раздробленію, Русь пришла къ объединенію.

Территоріальное раздробленіе ослабляло матеріально удѣльныхъ князей, а моральное разобщало ихъ, дѣлало невозможнымъ союзъ между ними, сплоченный образъ дѣйствій и, въ концѣ концовъ, вело тоже къ ослабленію. Такихъ князей легко было каждаго въ отдѣльности обобрать и подчинить своей власти. Только бы нашелся смѣльчакъ или удачникъ изъ среды князей.

Такъ именно и случилось. Изъ среды удѣльныхъ князей выдвинулся одинъ и покорилъ по одиночкѣ всѣхъ прочихъ, а владѣнія ихъ присоединилъ къ своимъ. Это былъ московскій князь.

Покореніе удѣльныхъ князей московскимъ княземъ вышло изъ заботы князей о благоустройствѣ своего удѣла.

Дѣло въ томъ, что новое положеніе князя, какъ собственника княжества, открывало, съ одной стороны, широкій просторъ для личной инициативы, съ другой— создавало увѣренность въ результатахъ своихъ трудовъ. Въ кіевской Руси для князя не было побужденій заботиться о благосостояніи управляемаго имъ края. Онъ въ своемъ княжествѣ былъ не хозяинъ, а

гость. Сегодня онъ здѣсь, а завтра тамъ; сегодня въ Черниговѣ, а завтра въ Ростовѣ.

Какой же смыслъ работать, трудиться. Плодовъ трудовъ ни самъ не увидишь, ни дѣти. Общественное мнѣніе кіевской Руси даже не одобряло скопидомства. „Хорошій князь не долженъ ничего копить, собирать впрокъ,—долженъ все раздавать дружинѣ, съ которой можетъ достать все.“

Другое дѣло теперь. Теперь онъ хозяинъ своего княжества, и результаты его трудовъ не пропадутъ ни для него самого, ни для его потомства, которое будетъ владѣть послѣ него княжествомъ. Работа по благоустройству своего края и становится главнымъ содержаніемъ внутренней дѣятельности сѣверо-восточныхъ русскихъ князей. Они застраиваютъ свой край городами, заселяютъ земледѣльцами и промышленниками, расчищаютъ его, приводятъ въ культурное состояніе. Особенной энергіей отличились въ этомъ дѣлѣ извѣстные сѣверно-русскіе князья Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III (Большое Гнѣздо.) Первый даже хвастался своимъ строительствомъ и колонизаторскою дѣятельностью. „Я всю Бѣлую (Суздальскую) Русь городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ“—говорилъ онъ. И дѣйствительно, въ княженіе названныхъ двухъ князей, особенно много возникло новыхъ городовъ и силенъ былъ притокъ колонизаціи.

Но стремленіе къ благоустройству собственнаго княжества должно было неизбѣжно перешагнуть рубежъ своихъ владѣній и привести къ захвату чужихъ владѣній. Обогащеніе на чужой счетъ и дѣлается замѣтнымъ въ дѣятельности сѣверо-восточныхъ князей. Этой мыслью они проникнуты всѣ. „Вездѣ князья обнаруживаютъ одинакія стремленія усилиться во что бы то ни стало на счетъ другихъ“. Но изъ всѣхъ такого рода попытокъ увѣнчивается полнымъ успѣхомъ

только одна—московская. Это объясняется особо благопріятно сложившимися для московскихъ князей условіями, естественно-географическими, политическими и, если такъ можно выразиться для даннаго случая, психологическими, т. е. лежавшими въ психологіи московскихъ князей, ихъ личныхъ особенностяхъ. Эти условія мы назовемъ *внутренними*, такъ какъ они дѣйствовали въ предѣлахъ сѣверо-восточной Руси, въ отличіе отъ *внѣшнихъ* условій, которыя лежали за предѣлами ея и вліяли на судьбы московскаго княжества издалека. Разумѣемъ внѣшнія, міровыя событія, оказавшія огромное вліяніе на дѣятельность московскихъ князей.

Сначала остановимся на внутреннихъ условіяхъ, а потомъ перейдемъ къ внѣшнимъ.

II.

Собираніе Руси московскими князьями. Условія *(внутреннія)*, благопріятствовавшія московскимъ князьямъ—естественно-географическія, политическія, психологическія. Общественное содѣйствіе. Боярство и церковь. Конецъ собиранія.

Московское княжество занимало срединное положеніе, лежало на перепутьи между южной и сѣверо-восточной Русью. Благодаря этому, переселенцы съ юга на сѣверо-востокъ, проходя обязательно московскимъ княжествомъ, осаживались здѣсь въ значительномъ количествѣ. Переселенцевъ заставляло здѣсь осаживаться, впрочемъ, не одно только „перепутье“, но и безопасность московскаго княжества. Оно было прикрыто отъ внѣшнихъ враговъ, при томъ же срединномъ положеніи, другими княжествами—здѣсь послѣ 1293 года до прихода Тохтамыша въ 1382 году не знали татарскихъ нашествій, т. е. пользовались около столѣтія покоемъ. Естественно, что такой укромный, безо-

пасный уголокъ долженъ былъ привлечь вниманіе каждаго, кто спасался отъ бѣдъ и опасностей того тревожнаго времени. И переселенцы толпами шли въ московское княжество. Извѣстенъ, напримѣръ, случай переселенія изъ Кіева боярина Родіона Несторовича съ 1700 дружинниками. Край быстро заселялся и разрабатывался пришельцами. Уже одного этого факта было достаточно, чтобы поднять матеріальное значеніе московскаго князя. Съ увеличеніемъ населенія увеличивалось число плательщиковъ въ княжескую казну и число княжескихъ слугъ. Къ этому присоединялось еще выгодное торгово-промышленное положеніе княжества. Черезъ него протекала Москва-рѣка, которая соединялась нижнимъ теченіемъ съ бассейномъ р. Оки, а верховьями—съ бассейномъ Волги и получила вслѣдствіе этого значеніе торговаго пути. Понятно, Москва стала подобно Кіеву на торговомъ трактѣ, пріобрѣла большое экономическое значеніе.

Обладатели московскаго княжества какъ нельзя лучше использовали выгоды естественно-географическаго положенія своихъ владѣній и расширили ихъ до размѣровъ россійскаго государства. Въ этомъ случаѣ невидное и безправное политическое положеніе московскихъ князей оказалось къ ихъ выгодѣ. Они были младшими изъ младшихъ и имѣли мало надежды на занятіе великокняжескаго стола, имъ оставалось только во всемъ полагаться на себя, на свой умъ и на свои руки. Московскіе князья такъ и поступали—въ числѣ прочихъ условій они, въ значительной степени, обязаны своимъ возвышеніемъ лично себѣ.

Надо замѣтить, что, вообще, въ характерѣ сѣверно-русскихъ князей произошла сравнительно съ характеромъ южно-русскихъ князей большая перемѣна, которую необходимо имѣть въ виду при изученіи новаго политическаго порядка на сѣверо-востокѣ Руси. По крайней мѣрѣ, всѣ историки отмѣчаютъ эту перемѣну

и придаютъ ей большое значенiе въ дѣлѣ государственнаго объединенiя Руси. Съ особеннымъ вниманiемъ историки останавливаются на крупной фигурѣ суздальскаго князя Андрея Боголюбскаго, который является наиболѣе яркимъ типомъ сѣверно-русскаго князя и первымъ наиболѣе энергичнымъ и послѣдовательнымъ создателемъ новаго политическаго порядка. Перемѣна, о которой мы говоримъ, произошла подъ влiянiемъ измѣнившихся естественныхъ условiй. Какъ эти условiя отразились на характерѣ всего населенiя—о чемъ мы говорили раньше,—такъ они отразились и на характерѣ сѣверно-русскихъ князей.

По словамъ Соловьева, сѣверно-русскiе князья „являются полными представителями своего народа, превосходно выполняютъ назначенiе сѣверной Руси. Въ ихъ поведенiи мы не замѣчаемъ того блеска, какой видимъ въ поведенiи князей-витязей юга, смотрѣвшихъ на битву, какъ на судъ Божiй, и при всякомъ спорѣ прибѣгавшихъ къ этому суду: сѣверные князья-собственники не любятъ рѣшать споровъ своихъ оружiемъ, прибѣгаютъ къ нему только въ крайности или тогда, когда успѣхъ несомнѣненъ, но отъ невѣрной битвы не любятъ ставить въ зависимость того, что прiобрѣтено, промышлено долгими трудами; южные князья прежде всего думаютъ, какъ бы въ битвѣ взять свою честь; сѣверные князья прежде всего думаютъ, какъ бы безъ невѣрной битвы получить пользу для своего владѣнiя. Всѣ они похожи другъ на друга, въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характеристическiя черты каждаго; всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ. Благодаря этой неуклон-

ности, постоянству въ стремленіяхъ сѣверныхъ князей, великая цѣль была достигнута: родовыя княжескія отношенія рушились, смѣнились государственными".

Эта общая характеристика приложима въ частности и къ московскимъ князьямъ. Съ своей стороны они постарались закрѣпить типъ сѣверно-русскаго князя за всѣмъ своимъ родомъ, передавая его черты изъ поколѣнія въ поколѣніе, создали фамильную традицію и необыкновенно полно разработали практическую сторону фамильной политики. Изъ всѣхъ талантовъ московскимъ князьямъ въ особенности дался талантъ стяжанія, скопидомства. На этомъ сосредоточены всѣ ихъ помыслы и желанія, и, какъ рачительные хозяева, они стараются сдѣлать это стремленіе наслѣдственнымъ и обезпечить ему прочное существованіе изъ поколѣнія въ поколѣніе. Общимъ желаніемъ ихъ всѣхъ является желаніе, выраженное въ духовной Семена Гордаго, чтобы „не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла". Поддержаніе пламени свѣчи и становится главной задачей московскихъ князей.

Для поддержанія пламени свѣчи московскіе князья пускаютъ въ оборотъ всѣ средства, всѣ „правды и неправды". По словамъ проф. Ключевскаго, удѣльный порядокъ, развившій эгоизмъ и соперничество, сильно уронилъ гражданскія чувства въ князьяхъ, и это печальное явленіе особенно полно отразилось на московскихъ князьяхъ. Они крайне неразборчивы въ средствахъ. Помимо, такъ сказать, честныхъ путей, въ родѣ покупки владѣній или наслѣдованія ихъ, они умножали свои владѣнія насильственно и очень часто при помощи татаръ. Особенно на этомъ поприщѣ отличился Иванъ Калита. По словамъ лѣтописца, начало княженія этого князя было началомъ насилія для другихъ княжествъ: „наста" (настало) насилованіе много, сирѣчь княженіе великое московское досталось князю

великому Ивану Даниловичу“. Тяжелую руку Калиты ранѣе другихъ испытали на себѣ Ростовъ и Тверь. По словамъ лѣтописца, въ Ростовѣ отнялись у князей ростовскихъ власть и княженіе, имущество, честь и слава. Воеводы великокняжескіе „наложили великую нужду на городъ Ростовъ и на всѣхъ жителей его; немало ростовцевъ должны были передавать москвичамъ имѣніе свое по нуждѣ, но, кромѣ того, принимали еще отъ нихъ раны и оковы; старшаго боярина ростовскаго Аверкія москвичи стремглавъ повѣсили и послѣ такого поруганія чуть жива отпустили. И не въ одномъ Ростовѣ это дѣлалось, но во всѣхъ волостяхъ и селахъ его, такъ что много людей разбѣжалось изъ ростовскаго княжества“. Въ Твери Калита снялъ колоколъ главной церкви, больно оскорбивъ тѣмъ ихъ религіозныя чувства, а когда здѣсь произошло возстаніе противъ татарскаго хана Щелкана, то Калита усмирилъ ихъ при помощи 50 тысячнаго войска татаръ, которые „положили пусту всю землю русскую“. Для смиренія псковичей Калита тоже употребилъ духовное оружіе—по его просьбѣ митрополитъ Ѳеогностъ предалъ псковичей проклятію и отлученію отъ церкви. Этихъ нѣсколькихъ примѣровъ изъ практики Калиты видно, какъ онъ былъ неразборчивъ въ средствахъ, какъ мало было святого у него.

Мы остановились на Иванѣ Калитѣ, какъ на типичномъ „собирателѣ Руси“. Но таковы были всѣ московскіе князья. По выраженію извѣстнаго публициста XVI вѣка кн. Курбскаго—„обычай у московскихъ князей издавна желать братій своихъ крови и избить ихъ убогихъ ради окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего“.

Противъ слабыхъ соперниковъ московскіе князья употребляли насиліе, а противъ сильныхъ—притворную ласку, хитрость, лукавство. Такъ поступали московскіе князья съ Новгородомъ, пока онъ былъ силенъ,

той же политики они держались и относительно татаръ, пока не поколебалось ихъ владычество. Татары въ то же время нерѣдко служили для московскихъ князей сами по себѣ орудіемъ борьбы съ удѣльными князьями.

Перечень пріобрѣтеній, сдѣланныхъ московскими князьями за время съ XIV по XVI вѣкъ, показываетъ, какимъ путемъ шло собираніе Руси.

При первомъ московскомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ къ Москвѣ были присоединены въ 1301 г. г. Коломна *„нѣкоею хитростью“*, благодаря измѣнѣ бояръ, въ 1302 г. княжество Переяславское *по завѣщанію.*

Юрій Даниловичъ присоединилъ къ Москвѣ въ 1303 году Можайскъ такимъ же образомъ, какъ была присоединена Коломна.

Иванъ Даниловичъ Калита *покупкой* пріобрѣлъ Бѣлозерскъ, Угличъ и Галичъ и часть владѣній ростовскихъ князей.

Дмитрій Донской укрѣпилъ за собой пріобрѣтенія Калиты и *купилъ* часть Мещеры (1381).

Василій Дмитріевичъ присоединилъ къ московскимъ владѣніямъ Нижегородское княжество, *благодаря измѣнѣ* боярина Румяпца, подкупленнаго Москвой, и при помощи татаръ (1392 г.). По *ханскому ярлыку*, далѣе, были присоединены Василіемъ: Городецъ, Муромъ, Таруса и остальная часть Мещеры, а князья изъ нихъ выгнаны.

Василій Васильевичъ пріобрѣлъ Устюгъ, Суздаль и подчинилъ нѣкоторой зависимости Вятку.

При Иванѣ III въ 1463 г. *уступили* свою отчину Москвѣ ярославскіе князья, въ 1474 г. ростовскіе князья *продали* остальную часть своихъ владѣній, въ 1478 году новгородцы послѣ продолжительной осады *„добили челомъ* московскому князю“, т. е. покорились, а въ 1489 г. то же сдѣлали вятчане. Въ 1485 г. *пере-*

ѣхали на службу къ московскому князю тверскіе бояре, и тогда же были присоединены—Тверь и Верейскій удѣлъ, *по завѣщанію.*

Послѣдніе удѣлы присоединены къ Москвѣ въ началѣ XVI вѣка: Псковъ въ 1510 г., Рязань въ 1521 г., Сѣверскія княжества въ 1523 году.

Изъ подчеркнутыхъ нами выраженій можно видѣть, какъ московскіе князья собирали Русь—больше мирными средствами и скорѣе кривыми, чѣмъ прямыми, открытыми путями. Это вполнѣ согласно съ ихъ характеромъ.

Однако, въ успѣшномъ объединеніи Руси московскіе князья были обязаны не исключительно собственнымъ талантамъ. Они нашли дѣятельную поддержку въ населеніи. Переселенцы, о которыхъ мы говорили раньше, приходя въ московское княжество, разрабатывали его естественныя богатства и обогащали своимъ трудомъ княжескую казну и, такимъ образомъ, оказывали несомнѣнную услугу дѣлу московскихъ князей. Но въ особенности много содѣйствовали государственному объединенію Руси и утвержденію единодержавія боярство и церковь.

О содѣйствіи бояръ говорятъ сами московскіе князья. Напримѣръ, въ уста Дмитрія Донского лѣтописецъ вкладываетъ слѣдующее любопытное предсмертное обращеніе къ боярамъ.

„Вы знаете, каковъ мой обычай и нравъ; родился я передъ вами, при васъ выросъ, съ вами царствовалъ; воевалъ вмѣстѣ съ вами на многія страны, противникамъ былъ страшенъ, поганыхъ низложилъ съ Божіею помощью и враговъ покорилъ, великое княженіе свое сильно укрѣпилъ, миръ и тишину далъ русской землѣ, отчину свою съ вами сохранилъ, вамъ честь и любовь оказывалъ, подъ вами города держалъ и большія волости, дѣтей вашихъ любилъ, никому зла не сдѣлалъ, не отнялъ ничего силою, не досадилъ, не укорилъ, не

ограбилъ, не обезчестилъ, но всѣхъ любилъ, въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы не назывались у меня боярами, но князьями земли моей.“

Однимъ словомъ, вся жизнь Донского, по его же собственному признанію, прошла вмѣстѣ съ боярами и при самыхъ лучшихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Цѣня такъ высоко заслуги боярства, князья московскіе завѣщаютъ и своимъ преемникамъ слушаться совѣта бояръ, прибѣгать къ ихъ помощи.

„Слушайте отца нашего, владыки Алексѣя—говоритъ Семенъ Гордый своимъ братьямъ,—да старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли“.

Еще настойчивѣй въ этомъ случаѣ воля Дмитрія Донского.

„Бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ ихъ службы, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте“.

Если московскіе князья совѣтуютъ своимъ дѣтямъ слушаться бояръ, значитъ, они были для нихъ вѣрными слугами. И дѣйствительно, бояре не разъ поддерживали московскихъ князей въ трудные для нихъ моменты жизни.

Вспомнимъ, напримѣръ, малолѣтство Дмитрія Ив. Донского, когда Москвѣ грозила опасность лишиться великаго княженія. Этого не произошло, благодаря усиліямъ московскаго боярства. Или возьмемъ еще болѣе серьезный моментъ, княженіе Василія Темнаго, когда усобица проникла въ московскій домъ и опять поднялся споръ о правахъ на великое княженіе. Споръ былъ перенесенъ въ орду и рѣшенъ въ пользу московскаго князя только благодаря боярину Всеволожному.

Оказывать поддержку московскимъ князьямъ бояръ побуждали несомнѣнно собственныя выгоды. Подъ владычествомъ московскаго князя, богатаго и могуще-

ственнаго, имъ жилось очень хорошо. Они здѣсь были, по выраженію духовной Дм. Донского, не „боярами, но князьями земли моей“.

Еще болѣе существенную поддержку московскому дѣлу оказала церковь.

Надо замѣтить, что вообще съ принятіемъ христіанства представители церкви на Руси становятся очень близко къ княжеской власти и принимаютъ очень дѣятельное участіе въ гражданской и политической жизни страны, такъ что судьбы русскаго государства и русской церкви съ перваго же момента тѣсно соединяются, и такая неразрывная связь сохраняется на всемъ протяженіи исторіи вплоть до нашихъ дней. Русскій народъ обязанъ церкви началомъ просвѣщенія, началомъ гражданственности и ей же обязанъ онъ во многомъ той формѣ верховной власти, которая до сихъ поръ существуетъ въ Россіи.

Объ участіи духовенства въ гражданской и политической жизни страны идутъ извѣстія съ древнѣйшихъ временъ. Владиміръ св. совѣтуется съ епископами о мѣрахъ противъ разбойничества. Великій князь кіевскій Изяславъ постоянно ѣздитъ къ игумену кіево-печерскаго монастыря Ѳеодосію для совѣщаній. Епископы благословляютъ князей на рать, приводятъ ихъ къ присягѣ, водворяютъ между ними миръ, ведутъ борьбу съ народными суевѣріями, смягчаютъ пастырскимъ словомъ грубость нравовъ. Древнѣйшіе памятники законодательства, какъ законы Владиміра св. или Русская Правда, носятъ слѣды вліянія духовенства, имѣютъ заимствованія изъ церковныхъ законовъ. Изъ кіевскаго періода вліяніе духовенства переходитъ въ московскій и растетъ все больше и больше. Примѣры непосредственнаго участія духовенства въ политической жизни московскаго государства хорошо извѣстны, и мы на нихъ еще не разъ будемъ останавливаться.

Постоянныя и близкія отношенія между представителями свѣтской и духовной власти, естественно, должны были вызвать вопросъ объ отношеніяхъ вообще между свѣтской и духовной властью, принципіальный вопросъ объ отношеніяхъ государства и церкви. Духовенство явилось на Русь изъ Византіи, и естественно, что оно принесло къ намъ византійскія политическія понятія. Здѣсь отношенія между императоромъ и патріархомъ покоились на мысли о единствѣ церкви и государства, подобномъ единству духа и тѣла человѣческаго организма. Императоръ поэтому принималъ дѣятельное участіе въ жизни церкви, а патріархъ въ жизни государства.

Такъ было въ теоріи; на практикѣ же обѣ власти далеко не всегда жили въ единеніи, согласіи, очень часто, наоборотъ, въ борьбѣ. Со стороны патріарха были явныя поползновенія къ подчиненію власти императора власти церкви и установленію теократіи, а со стороны императора—намѣреніе распространить свою власть цѣликомъ на церковь. И на время обѣимъ сторонамъ удавалось осуществить свои притязанія.

Въ концѣ концовъ духовенство все же оставалось при убѣжденіи превосходства священства надъ царствомъ, хотя и учило о богоустановленности власти.

Византійское ученіе о богоустановленности власти и превосходствѣ священства надъ царствомъ, духовной власти надъ свѣтской, греческое духовенство принесло и на Русь.

Съ проповѣдью о богоустановленности власти духовенство выступаетъ очень рано, съ первыхъ же временъ введенія христіанства. Владиміру св., по поводу непринятія имъ мѣръ противъ разбойниковъ изъ боязни грѣха, епископы говорятъ: „*ты поставленъ еси отъ Бога* на казнь злымъ, а добрымъ на милованье". Митрополитъ Никифоръ поучаетъ Владиміра Мономаха, говоря, что „князья *избрани бысте отъ Бога*

и возлюблени бысте Имъ." „Истинно видимъ, яко *Богомъ дана ти есть власть и княженіе*", читаемъ въ посланіи константинопольскаго патріарха великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому. Мысль эта мало-помалу входитъ въ оборотъ и начинаетъ употребляться въ качествѣ аргумента современниками. Лѣтописецъ вкладываетъ въ уста половецкихъ князей—къ князю Глѣбу Юрьевичу такую фразу—„*Богъ посадилъ тя* и князь Андрей на отчинѣ своей и на дѣдинѣ". Въ отдѣльныхъ случаяхъ проповѣдь о богоустановленности власти доходитъ до обоготворенія ея и, напримѣръ, князь въ одномъ поученіи разсматриваемаго нами времени названъ *небомъ земнымъ*, а душа его *престоломъ Христовымъ*, согласно св. писанію; въ томъ же поученіи словами св. писанія авторъ называетъ князей *избранниками Бога на землѣ вмѣсто Себя.*

Разъ власть установлена Богомъ, то она дается по его изволенію и, слѣдовательно, преступно добиваться власти силою. Таково первое практическое приложеніе идеи богоустановленности власти, сдѣланное духовенствомъ. Окружающая жизнь, наполненная княжескими усобицами, обильная насиліями, давала богатый матеріалъ для проповѣди въ этомъ смыслѣ. И духовенство, дѣйствительно, выступило съ проповѣдью противъ добыванія князьями столовъ силой. Отраженіе проповѣди можно видѣть въ разсужденіяхъ лѣтописца по поводу княжескихъ усобицъ.

Слѣдующимъ практическимъ приложеніемъ той же идеи было оправданіе дурныхъ властей. Власть дается Богомъ—какъ хорошая, такъ и дурная. Если въ данной странѣ дурная власть, то въ этомъ виновато само населеніе; дурная власть дается людямъ за грѣхи, а хорошая за праведную жизнь, согласно писанію.

„Аще бо кая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей цесаря или князя праведна, любяща судъ и правду, и властеля устрояетъ и судью, правящаго судъ“. За грѣхи же Богъ посылаетъ „юношу князя имъ и ругателя обладающа ими“, т. е. юнаго князя, который вмѣсто управленія бражничаетъ съ молодыми товарищами-совѣтниками. Однако, съ властей не снимается отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Князей, дурно управляющихъ, попирающихъ божескіе и человѣческіе законы, ожидаетъ наказаніе не только въ будущей, но и въ настоящей жизни... Считая себя, такъ сказать, орудіемъ божественнаго промысла, („мы сами приставлены въ русской землѣ отъ Бога“...), духовенство отъ словъ переходило къ дѣлу и, съ одной стороны, прямо указывало князьямъ, какъ они должны управлять, съ другой стороны налагало на нихъ наказаніе за злоупотребленія властью, особенно, когда это касалось дѣла вѣры.

Образчикомъ подобнаго наставленія и вразумленія князей относительно управленія можетъ служить слѣдующій отрывокъ изъ посланія XV вѣка игумена Бѣлозерскаго монастыря Кирилла къ можайскому князю Андрею Дмитріевичу.

„И ты, господине,—наставляетъ игуменъ князя—смотри того, властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ, людьми, господине, свои унимати отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судите праведно, какъ предъ Богомъ, право, поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине, не было; судьи бы, господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими... (т. е., что имъ положено). И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было, зане же, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Также, господине, мытовъ (мытныхъ пошлинъ) бы у тебя не было, понеже, господине, куны (деньги) непра-

ведныя. А гдѣ, господине, перевозъ, тутъ, господине, пригожедати, труда ради. Тако-же, господине, и разбоя бы и татбы (воровства) въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты вели ихъ наказывать своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойны. Тако-же, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога. И аще, господине, не подщишися (не позаботишься) всего того управити, все то на тебѣ взыщется, понеже властитель еси своимъ людямъ отъ Бога поставленъ. А крестьянамъ (христіанамъ), господине, не лѣнись управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста“.

Игуменъ развиваетъ передъ княземъ цѣлую программу правительственной дѣятельности, обнимающую не только матеріальныя, но и моральныя нужды населенія и грозитъ за небрежное исполненіе обязанностей взысканіемъ Бога.

Обычнымъ наказаніемъ, практиковавшимся духовенствомъ въ такихъ случаяхъ, было отлученіе отъ церкви или проклятіе. Такому проклятію былъ преданъ великій князь кіевскій Изяславъ Мстиславичъ, также тверской князь Дмитрій Михайловичъ (XII—XIV вв.), а епископъ ростовскій въ 1280 году выкопалъ тѣло великаго князя Глѣба Васильевича изъ могилы, т. е. лишилъ его христіанскаго погребенія. Съ конца XV и начала XVI вѣка устанавливается даже обычай, сохранившійся донынѣ, анаѳемствованіе властей, нарушающихъ интересы церкви, въ слѣдующей общей формѣ:

„Всѣ начальствующіе и обидящіе святыя Божія церкви и монастыри, отнимающіе у нихъ данныя тѣмъ села и винограды, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія, да будутъ прокляты.“ Анаѳемствованіе вызвано, очевидно, попытками секуляризаціи (отнятія) церковныхъ имуществъ.

Въ то же время отъ населенія духовенство требовало повиновенія и почтенія къ власти. Исходя изъ извѣстнаго текста: „Бога бойтеся, царя чтите“, духовенство учило: „Мы рабы—во-первыхъ, Бога, а потомъ государя“ (Лука Жидята). „Добра своимъ государямъ во всемъ желайте: за нихъ слѣдуетъ и умирать и жизнь свою полагать, какъ за православную вѣру“... (Вассіанъ Петрикѣевъ).

Само собою разумѣется, что распространеніе среди населенія мысли о божественномъ происхожденіи власти и внушеніе ему особо почтительнаго отношенія къ власти, даже безусловнаго повиновенія ей, должно было сильно поднимать авторитетъ власти князя. И сѣмена, брошенныя духовенствомъ въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно не пропали, они дали обильные плоды, но только не въ разсмотрѣнное нами время, а впослѣдствіи, въ московскій періодъ. До-московскій періодъ для этого представлялъ мало благопріятную почву. Прежде всего высота ученія не соотвѣтствовала грубости жизни и нравовъ народа, только что перемѣнившаго язычество на христіанство и оказывалась мало доступной.

Затѣмъ, рядомъ съ княжеской властью, на которую только простиралось ученіе духовенства, имѣвшаго передъ собой образъ византійскаго императора, стала власть народа, вѣче, которое избирало и прогоняло князей. И общественное мнѣніе, считая выборъ князя правомъ народа, становилось, такимъ образомъ, въ прямое противорѣчіе съ ученіемъ о богоустановленности власти. Кромѣ того, и сами князья своимъ поведеніемъ очень часто колебали ученіе духовенства о власти, какъ и вообще вся жизнь того времени. Торжество ученія, проповѣдывавшагося духовенствомъ, и возвышеніе авторитета княжеской власти могло, очевидно, произойти только послѣ установленія тѣсныхъ отношеній между церковью и государствомъ. Но многовла-

стіе и вообще шаткость и неопредѣленность политическихъ и общественныхъ отношеній кіевской Руси исключали всякую возможность какого-либо прочнаго соглашенія церкви съ государствомъ. Возможность эта явилась лишь въ московскій періодъ и тогда, дѣйствительно, между церковью и государствомъ, точнѣе сказать, между представителями той и другого, возникаетъ тѣсный союзъ, донынѣ не расторгнутый, который приводитъ къ возвышенію авторитета княжеской власти до недосягаемой высоты.

Церковь очень рано, въ моментъ возникновенія московскаго княжества, усмотрѣла въ московскихъ князьяхъ, собирателяхъ, грядущую силу и заключила съ этой силой союзъ. Перенесеніе резиденціи высшаго представителя церкви митрополита въ Москву въ княженіе Ивана Калиты было первымъ камнемъ, легшимъ въ основаніе союза церкви съ государствомъ. Отнынѣ Москва становится религіознымъ центромъ русскихъ людей, всего населенія Руси, а дѣло собиранія получаетъ освященіе. Политическое собираніе Руси подъ главенствомъ московскихъ князей оказывается естественнымъ дополненіемъ религіознаго единства, представленнаго московскимъ митрополитомъ. Религіозный, церковный глава, московскій митрополитъ, дѣлается прообразомъ политическаго главы, московскаго князя. Въ предсмертныхъ словахъ митрополита Петра, предрекающаго великую будущность Москвы, слышится желаніе соединить судьбы русской церкви съ судьбами русскаго государства и возвысить Москву при содѣйствіи церкви.

Какъ бы то ни было, но съ этого времени представители духовенства идутъ рука объ руку съ московскими князьями и послѣдніе находятъ дѣятельную поддержку въ своихъ корысто и власто-любивыхъ планахъ.

Митрополиты въ распряхъ московскихъ князей съ другими всегда принимаютъ ихъ сторону и содѣйствуютъ всѣми имѣющимися у нихъ средствами. Гдѣ можно употребляютъ увѣщаніе, а если оно не дѣйствуетъ, пускаютъ въ ходъ отлученіе и проклятіе. Такимъ образомъ, духовенство доставило торжество московскимъ князьямъ въ борьбѣ съ тверскимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, отлучивъ отъ церкви укрывшихъ его псковичей. То же орудіе было употреблено противъ нижегородцевъ, которые за непокорность поплатились закрытіемъ церкви Сергіемъ Радонежскимъ. Съ благословенія духовенства было свергнуто татарское иго и въ рядахъ ближайшихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ московскихъ князей мы постоянно встрѣчаемъ митрополитовъ.

Не столько, однако, была важна частная помощь духовенства въ промыслахъ московскихъ князей въ отдѣльныхъ случаяхъ, сколько одинъ рѣшительный шагъ, сдѣланный духовенствомъ въ общей политикѣ московскихъ князей. Этотъ шагъ заключается въ томъ, что духовенство открыто стало на сторону новаго политическаго порядка, проводившагося московскими князьями, и объявило его изначальнымъ, освященнымъ стариною, обычаемъ, несмотря на очевидную его новизну, т. е. на сторону единодержавія.

Это произошло въ княженіе Василія Васильевича Темнаго, когда возникла усобица въ домѣ московскихъ князей и одинъ изъ соперниковъ Василія, Дмитрій Шемяка, проявилъ большое упорство и энергію въ борьбѣ съ великимъ княземъ. Въ концѣ концовъ въ борьбу вмѣшалось духовенство и рѣшило дѣло въ пользу Василія. Шемякѣ оно послало грозное посланіе, изъ котораго и видно, почему дѣло рѣшено въ пользу Василія.

„Сколько трудовъ перенесъ отецъ твой—пишетъ духовенство Шемякѣ,—сколько истомы потерпѣло отъ

него христіанство, но великокняжескаго стола все не получилъ, чего ему *Богомъ не дано, ни земскою изначала пошлиною*" (т. е. древнимъ обычаемъ). Выходитъ, что Шемяка не добился великаго княженія потому, что это не дано ему Богомъ, и притязанія его не основаны на обычаѣ. Подъ древнимъ обычаемъ, „земской изначала пошлиной", духовенство разумѣетъ московское единодержавіе, оно основано на древнемъ обычаѣ и дано Богомъ, а притязанія Шемяки равносильны грѣху праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. Таковъ конечный выводъ духовенства.

Посланіе было написано отъ пяти владыкъ, двухъ архимандритовъ и всего духовенства и должно быть разсматриваемо, какъ мнѣніе всей церкви.

Любопытно, однако, что Шемяка тоже находилъ себѣ поддержку въ духовенствѣ, оно участвовало въ низложеніи Василія и на пиру, устроенномъ Шемякой по поводу своей побѣды надъ Василіемъ, вмѣстѣ съ боярами были и „всѣ епископы земли русской." Это показываетъ, насколько искрення и безкорыстна была поддержка духовенствомъ московскихъ князей.

Для него въ сущности было безразлично, кто объединитъ Русь—московскій князь или другой. Духовенство на сторонѣ сильнѣйшаго. Поэтому мы сначала видимъ митрополита въ союзѣ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, который, заручившись поддержкой митрополита Петра, сталъ величать себя „великимъ княземъ всея Руси." Затѣмъ, когда стало очевиднымъ, что московскіе князья возьмутъ перевѣсъ надъ остальными, духовенство перешло на ихъ сторону. Но и здѣсь, какъ видимъ, во время усобицы въ княженіе Василія Темнаго, оно измѣнило Василію и въ первый моментъ поддержало его соперника.

Объединеніе же Руси было въ интересахъ церкви потому, что „при существованіи удѣловъ, съ одной

стороны, духовенству было гораздо труднѣе охранить безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраненіе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ; а съ другой стороны, удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ великіе“.

III.

Внѣшнія условія, содѣйствовавшія установленію единодержавія и объединенію Руси. Татарское владычество. Образованіе Литовскаго государства. Паденіе Византіи. Дѣятельность церкви и публицистовъ. Національзація церкви и государства. Теорія власти Іосифа Волоколамскаго и его преемниковъ. Политическіе успѣхи московскихъ государей—Ивана III, Василія и Ивана IV.

Мы разсмотрѣли рядъ условій, благопріятствовавшихъ предпринятому московскими князьями государственному объединенію Руси—естественно-географическое положеніе московскаго княжества, политическое положеніе московскихъ князей, личные таланты ихъ и, наконецъ, содѣйствіе населенія, въ особенности боярства и духовенства. Эти условія мы назвали внутренними. Теперь обратимся къ внѣшнимъ условіямъ, т. е. условіямъ, лежавшимъ за предѣлами Руси и дѣйствовавшимъ на ходъ московскаго дѣла помимо воли московскихъ князей.

Подъ внѣшними условіями мы разумѣемъ такія крупнѣйшія событія того времени, какъ татарское владычество, образованіе Литовскаго государства и взятіе Константинополя турками.

Въ оцѣнкѣ вліянія татарскаго владычества на внутренній строй Россіи наши изслѣдователи расходятся. Нѣкоторые даже совсѣмъ отрицаютъ его. Къ послѣднимъ принадлежитъ историкъ Соловьевъ, основывающій свое мнѣніе на томъ, что татары не вмѣши-

вались во внутреннія дѣла Руси. Едва-ли, однако, такое мнѣніе справедливо, едва-ли можно отрицать вліяніе татаръ на внутренній строй Россіи.

Во-первыхъ, власть татарскаго хана была не номинальной, а вполнѣ реальной, и выражалась въ вполнѣ конкретныхъ формахъ—дани, судѣ надъ князьями, посаженіи князей на княженіе—дававшихъ населенію иногда очень больно себя чувствовать. Слѣдовательно, нельзя говорить о невмѣшательствѣ татаръ во внутреннюю жизнь.

Во-вторыхъ, трудно представить себѣ, чтобы татарское владычество, тяготѣя надъ Русью болѣе 200 лѣтъ при постоянныхъ сношеніяхъ, не оказало вліянія въ числѣ другихъ сферъ на сферу политическую, тѣмъ болѣе въ такой чувствительный къ постороннимъ вліяніямъ періодъ, какъ періодъ зарожденія русскаго государства.

Итакъ, вліяніе татарскаго владычества на внутренній строй Руси надо признать безспорнымъ фактомъ. Въ чемъ же оно состояло? Прежде всего татарское иго содѣйствовало и прямо и косвенно государственному объединенію Руси. То, къ чему стремилась южная Русь, но что было до сихъ поръ только въ идеѣ, теперь, благодаря завоеванію Руси татарами и установленію единой власти татарскаго хана, стало совершившимся фактомъ. Правда, объединеніе это было чисто внѣшнимъ, тѣмъ не менѣе оно стягивало воедино раздробленную Русь и въ извѣстной степени подготовляло, даже облегчало внутреннее объединеніе. Татарское владычество указывало на необходимость внутренняго объединенія—соединенія силъ для избавленія отъ ненавистнаго ига, на мысли о необходимости борьбы съ татарами и сверженіи ига сходились всѣ. Горе объединило всѣхъ. Но кромѣ такого внѣшняго, формальнаго объединенія, татары очень много сдѣлали и для дѣйствительнаго внутренняго объединенія Руси. Они до-

вольно рано обратили свое исключительное вниманіе на одного изъ русскихъ князей—московскаго и стали дѣятельно содѣйствовать его корысто- и властолюбивымъ планамъ. Отдавая ему явное предпочтеніе передъ другими, они щедро раздавали московскимъ князьямъ ярлыки для пріобрѣтенія удѣловъ, предоставляли въ ихъ распоряженіе татарскія полчища и всячески помогали имъ въ увеличеніи ихъ матеріальнаго благосостоянія. Содѣйствуя росту матеріальныхъ силъ московскихъ князей, татары въ то же время содѣйствовали и росту ихъ моральныхъ и политическихъ силъ, увеличенію ихъ власти надъ прочими князьями. Предоставляя московскимъ князьямъ предпочтительно передъ другими великое княженіе, татары съ Ивана Калиты это важное преимущество оставили навсегда за московскимъ домомъ. Иванъ же Калита получилъ отъ хана порученіе собирать дань съ населенія и это тоже не менѣе важное право осталось за потомствомъ Калиты и вошло послѣ въ число прерогативъ великокняжеской власти. Сыну Калиты, Семену, по выраженію лѣтописи, были отданы „подъ руки" всѣ князья русскіе. И Семенъ былъ въ такой чести и силѣ у хана, что всѣ князья, даже такіе сильные соперники, какъ тверской и рязанскій, все творили по его слову. Не даромъ онъ и прозванъ былъ Гордымъ. А преемникъ Семена, братъ его Иванъ, получилъ отъ хана право суда надъ русскими князьями. Ханъ велѣлъ всѣмъ князьямъ слушаться великаго князя Ивана и судиться у него. За собой ханъ оставлялъ высшую, апелляціонную инстанцію. Рядъ перечисленныхъ преимуществъ, предоставленныхъ въ распоряженіе московскихъ князей татарскими ханами, несомнѣнно помогъ имъ подняться надъ остальными князьями, отнять у нихъ ихъ владѣнія и установить собственную единую власть надъ всей объединенной территоріей. Иными словами, тата-

ры оказали и прямое содѣйствіе объединенію Руси и въ то же время проложили путь къ единодержавію.

Въ послѣднемъ отношеніи, т. е. въ проложеніи пути къ единодержавію, татары сдѣлали даже больше простого содѣйствія корысто- и властолюбивымъ планамъ московскихъ князей. Ихъ вліяніе въ установленіи формы правленія въ собранной Руси было гораздо шире и глубже.

Татары принесли съ собой на Русь новую форму верховной власти и новую схему отношеній населенія къ власти. Первую представлялъ изъ себя ханъ, а вторая—вытекла изъ подчиненія Руси хану.

Новизна верховной власти хана состояла въ ея безусловности, неограниченности, личномъ характерѣ, деспотизмѣ. Существуя въ такомъ видѣ и сильно дѣйствуя на умъ населенія въ теченіе болѣе двухъ столѣтій, эта новая форма верховной власти постепенно укоренилась въ народномъ сознаніи и сдѣлалась для него привычной формой представленія верховной власти вообще. Душевный переворотъ въ указанномъ направленіи въ населеніи, знавшемъ раньше иныя формы верховной власти, совершался тѣмъ скорѣе, что подъ вліяніемъ татарскаго владычества падали оплоты древней свободы и глубоко измѣнялись существующія политическія учрежденія. Такимъ образомъ, измельчали и совсѣмъ пали вѣча, органы народовластія, а княжеская власть, подчиненная власти хана, измѣнила свой характеръ и утратила для населенія авторитетъ. Князья стали получать власть изъ рукъ хана и ѣздить для этого къ нему на поклонъ. Унижаясь передъ ханомъ, нѣкоторые изъ князей жертвовали святостью народныхъ вѣрованій и обычаевъ.

Князья теперь всѣ стали „подручниками" данниками хана и, перефразируя извѣстное изреченіе императора Павла, можно сказать, что изъ нихъ великъ былъ тотъ, съ кѣмъ былъ милостивъ ханъ.

Новизна отношеній, вытекшихъ изъ подчиненія русскаго населенія хану, состояла въ особомъ характерѣ этихъ отношеній, опредѣляемыхъ словомъ „подданство“. До-татарская Русь, если и знала подданство, то только въ отношеніяхъ рабовъ къ господамъ. Свободное же населеніе такихъ отношеній не знало. Всюду во всѣхъ сферахъ жизни господствовало договорное начало, предполагающее равноправность сторонъ и свободу дѣйствій. Въ числѣ другихъ сферъ договорное начало имѣло мѣсто и въ политической области, въ отношеніяхъ населенія и власти. Попытка Андрея Боголюбскаго провести другое начало—„подручничество“, т. е. подданство, встрѣтила горячій протестъ, осталась на время одинокой. Договорное начало было уничтожено позднѣе московскими князьями подъ вліяніемъ измѣнившихся условій времени при несомнѣнномъ участіи татарской политики.

Теперь изъ политической области, изъ отношеній власти (хана) къ населенію, договорное начало было изгнано и осталось только въ частныхъ отношеніяхъ. Ханъ сдѣлался властелиномъ русской земли въ силу завоеванія, и населеніе, не имѣя силы бороться съ завоевателемъ, по необходимости, должно было подчиниться его власти. О какомъ-либо договорѣ здѣсь не могло быть никакой рѣчи. Судьбы Россіи оказались въ рукахъ татарскаго хана и свободныя отношенія замѣнились несвободными—подданническими.

„Не подобаетъ вамъ—сказали татары черниговскому князю—жити на землѣ Батыевѣ и хановѣ, *не поклонившись има*“.

Такъ сказали татары черниговскому князю и въ этихъ немногихъ словахъ ясно указали на ту перемѣну, которая произошла въ положеніи русскаго населенія послѣ татарскаго завоеванія. Русская земля отнынѣ—собственность хана, улусъ его и, кто хочетъ быть

на его землѣ, тотъ долженъ ему поклониться. Русь *поклонилась* хану и стала его подданной.

Самое подданство подъ вліяніемъ татарскаго ига, тяготѣвшаго надъ Русью болѣе двухсотъ лѣтъ, приняло особый характеръ. Испытывая постоянно жестокости татарскихъ чиновниковъ и татарскихъ полчищъ, избавляясь отъ нихъ деньгами или при помощи всевозможныхъ изворотовъ, дрожа всегда за свое имущество и за жизнь, видя вокругъ себя, съ одной стороны, насилія, съ другой—униженія, русское населеніе глубоко деморализовалось и воспитало въ себѣ совершенно особыя чувства къ власти, ранѣе ему неизвѣстныя. Страхъ, раболѣпство, тупое смиреніе, а при случаѣ хитрость и лукавство, заняли видное мѣсто въ отношеніяхъ населенія къ власти. И если нужно искать источникъ укоренившагося въ русскомъ народѣ страха передъ властью, повиновенія власти не за совѣсть, а за страхъ, то татарское иго, несомнѣнно, было однимъ изъ такихъ источниковъ.

Вотъ что сдѣлало татарское владычество косвеннымъ образомъ для объединенія Руси и образованія единой самодержавной верховной власти. Взвѣшивая все сейчасъ сказанное, можно съ полной увѣренностью утверждать, что татары, такъ сказать, подготовили почву для дѣятельности московскихъ государей и въ значительной степени облегчили ихъ задачу. Московскіе князья унаслѣдовали отъ татарскихъ хановъ готовую форму власти и готовую схему отношеній населенія къ власти и заняли ихъ мѣсто, какъ бы совершенно нечувствительно для русскаго населенія. Вмѣсто хана явился московскій царь—перемѣна была даже лестна для національнаго самолюбія.

Несомнѣнно, татарское владычество не осталось безъ вліянія и на политикѣ московскихъ князей—многіе пріемы ея, вѣроятно, татарскаго происхожденія.

Въ такомъ видѣ намъ представляется вліяніе татарскаго владычества—косвенное и прямое—на установленіе единодержавія въ московскомъ государствѣ. И мы вполнѣ можемъ присоединиться къ извѣстному выраженію историка Карамзина: „Москва обязана своимъ величіемъ хану“.

Здѣсь же умѣстно сказать и о томъ вліяніи, которое оказала на успѣхи московскихъ князей въ дѣлѣ собиранія Руси и установленія единодержавія борьба съ татарами до свerженія ига и послѣ паденія ига. Вообще, отношенія московскихъ князей къ татарамъ отличались большой дипломатичностью. Пока не было прямой возможности свергнуть ненавистное иго, князья-собиратели старались косвеннымъ образомъ бороться съ игомъ, парализовать его вредныя послѣдствія и эксплоатировать въ свою пользу элементы разложенія орды (борьбу партій, хановъ-соперниковъ). Благодаря такой умѣлой политикѣ, московскіе князья пользовались расположеніемъ татарскихъ хановъ—къ выгодѣ не только личной, но и всей Руси. Напримѣръ, передача сбора дани съ населенія великому князю московскому, несомнѣнно, была выгодна для всего населенія, такъ какъ прекращались жестокости татарскихъ сборщиковъ дани. Передача суда надъ князьями Семену Гордому тоже была болѣе въ интересахъ князей, чѣмъ судъ хана (избавляли отъ поѣздокъ въ Орду для ханскаго суда). И вообще мирныя отношенія великаго князя московскаго съ ханомъ приносили миръ и спокойствіе всей русской землѣ. По крайней мѣрѣ лѣтописецъ счелъ нужнымъ отмѣтить это въ княженіе перваго собирателя.

„Въ то же лѣто сѣлъ Иванъ Даниловичъ на великомъ княженіи всея Руси и бысть тишина великая на 40 лѣтъ, и перестали поганые воевать русскую землю и закалати христіанъ; и отдохнули и опочили христіане отъ великой истомы и многой тягости и отъ

насилія татарскаго и бысть оттолѣ тишина великая по всей землѣ“.

Понятно, такая несомнѣнная и притомъ важная, по тому безпокойному времени, заслуга, какъ умиротвореніе земли, должна была привязывать населеніе къ миротворцамъ московскимъ князьямъ и выдвигать ихъ на первый планъ въ глазахъ населенія. Когда же открылась возможность открытой борьбы съ татарами и московскій князь сталъ во главѣ соединенныхъ русскихъ силъ, нанесъ чувствительный ударъ татарамъ на Куликовомъ полѣ, то заслуга его передъ народомъ стала еще очевиднѣй, престижъ его еще больше поднялся. Въ глазахъ всего населенія онъ явился со значеніемъ національнаго вождя противъ исконныхъ враговъ всего русскаго народа—татаръ. Сверженіе ига Иваномъ III прибавило къ титулу національнаго вождя славное имя „спасителя отечества“.

Вотъ на какую высоту подняла московскаго князя борьба съ татарами. Но какъ извѣстно, борьба съ татарами не кончилась послѣ сверженія ига. Потерявъ политическое господство надъ Русью, татары сохранили еще надолго фактическое господство, остались самыми опасными внѣшними врагами. Собственно, конечнымъ моментомъ борьбы съ ними надо считать присоединеніе Крыма къ Россіи, происшедшее въ царствованіе Екатерины II (1787 г.). Слѣдовательно, еще сотни лѣтъ Россія жила подъ страхомъ татарскихъ нашествій, татарскихъ войнъ, и наиболѣе тяжелый въ этой борьбѣ періодъ первый выпалъ на долю московскихъ князей. Они должны были взять на себя оборону границъ отъ этихъ „бичей божіихъ“ собраннаго ими молодого государства.

Образованіе Литовскаго государства явилось новой опасностью для Москвы. Въ составъ его вошли русскія княжества, напримѣръ: смоленскіе и литовскіе

государи, принявъ титулъ „князей всея Руси“, вознамѣрились дать ему реальное значеніе, т. е. объединить подъ своей властью дѣйствительно всю Русь. Отсюда возникъ цѣлый рядъ войнъ на западѣ.

Такимъ образомъ, молодому едва только слагавшемуся государству грозила серьезная опасность съ двухъ сторонъ—съ юга и съ запада. Вопросъ шелъ о цѣлости государства и въ оборонѣ его границъ, въ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ былъ заинтересованъ не одинъ московскій государь, но весь народъ, т. е. дѣло обороны и борьбы съ наступавшими внѣшними врагами становилось общенароднымъ и государственнымъ дѣломъ. Московскій князь, ставъ руководителемъ обороны, естественно, получилъ значеніе народнаго вождя, защитника страны и частное дѣло его уже превратилось въ государственное. Притязанія литовскаго государя на всю Русь напомнили московскому государю о его собственныхъ правахъ, какъ великаго князя всея Руси, на исконныя русскія владѣнія, отторгнутыя татарскимъ погромомъ, и, начавъ оборонительную войну, московскіе государи незамѣтно перешли для осуществленія своихъ правъ къ наступательной. Тогда война получила національный характеръ, и веденіе войнъ на западѣ московскими князьями явилось выполненіемъ національной задачи. На это очень хорошо указалъ Иванъ IV, отказавъ польскому королю въ вѣчномъ мирѣ.

„За королемъ польскимъ (и литовскимъ), *наша вотчина извѣчная:* Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и иные многіе города русскіе. Такъ пригоже-ли съ польскимъ королемъ вѣчный миръ заключить?“.

Войны, возникшія при указанныхъ обстоятельствахъ, продолжались годы, переходили изъ царствованія въ царствованіе и держали московское государство въ постоянномъ страхѣ. Нужно было постоянно ожидать врага, всегда быть готовымъ отразить его. Нерѣдко

положеніе становилось настолько серьезнымъ, что можно было говорить о жизни или смерти государства. Сама жизнь, такимъ образомъ, суровая дѣйствительность, указывала на необходимость объединенія и сосредоточеніе власти въ однѣхъ твердыхъ, сильныхъ рукахъ. Предшествовавшія обстоятельства уже сосредоточили власть въ рукахъ объединителя Руси, московскаго князя. Теперь эта власть во внѣшнихъ условіяхъ почерпнула для себя новую силу, новое могущество, она могла бы все потерять, если бы Русь постигла неудача. Но московскіе государи съ перемѣннымъ успѣхомъ, послѣ ряда крупныхъ неудачъ, въ концѣ концовъ выполнили возложенную на нихъ временемъ задачу и вышли изъ борьбы не ослабленными, а окрѣпшими.

Успѣшное разрѣшеніе національной задачи высоко подняло московскаго государя въ глазахъ населенія и дало ему фактическую силу, могущество. Этому могуществу не доставало только юридической основы. Судьба и тутъ пришла на помощь московскимъ государямъ и подъ ихъ власть было подведено юридическое основаніе. Это произошло при помощи церкви и древне-русскихъ публицистовъ подъ вліяніемъ міровыхъ событій: Флорентійской уніи (1439 г.) и взятія Константинополя турками (1453 г.). Заключеніе уніи съ согласія русскаго митрополита Исидора, грека по происхожденію, несмотря на то, что его передъ отправленіемъ на соборъ просили „принести древнее благочестіе и православную вѣру“, сильно уронило въ глазахъ русскаго населенія греческое духовенство и авторитетъ Византіи въ религіозномъ отношеніи. А взятіе святыни христіанскаго востока мусульманами лишило весь православный христіанскій міръ религіознаго центра и оплота. Несчастіе Византіи было несчастіемъ всего православнаго міра и глубоко всѣхъ поразило и опечалило. Гдѣ же теперь найдетъ себѣ

пріютъ осиротѣвшее православіе? Кто его будетъ поддерживать и охранять?—невольно спрашивали русскіе люди. Сопоставленіе нѣсколькихъ событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ лишь во временной, а не причинной связи, было понято и истолковано современниками совершенно своеобразно.

Грекъ Исидоръ измѣнилъ православію, великій князь московскій Василій Васильевичъ низложилъ его, ревнуя къ чистотѣ православія, вскорѣ послѣ Византія была взята турками. Отсюда выводъ—Византія отступила отъ православія и за это пала; православіе во всей своей чистотѣ и неприкосновенности сохранилось на Руси, благодаря ревности московскихъ великихъ князей. Слѣдовательно, задача охраны и защиты православія, естественно, должна теперь перейти къ Руси. Такой выводъ сдѣлали современники, придя въ себя отъ потрясенія, вызваннаго паденіемъ Константинополя, не смущаясь очевидной натяжки въ объясненіи событій.

Такимъ образомъ, ходъ историческихъ событій, благодаря своеобразному толкованію ихъ современниками, навязалъ московскимъ князьямъ міровую задачу—охрану православія и чрезвычайно сблизилъ интересы русской церкви и государства. Съ этого момента надо начинать исторію родства русскаго самодержавія съ православіемъ.

Изъ новаго положенія, занятаго неожиданно московскими князьями, вытекъ рядъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій—религіозныхъ и политическихъ вмѣстѣ.

Уже Василій Висильевичъ за ревность къ православію въ „словѣ“, составленномъ митрополитомъ Ѳеодосіемъ по поводу Флорентійской уніи, называется „богошественнымъ поспѣшникомъ истинѣ“, „высочайшимъ исходатаемъ благовѣрія, мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ божественнаго закона... истинныя вѣ-

ры православія боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси", и въ титулъ его входитъ новое опредѣленіе. Онъ именуется „благороднымъ, благовѣрнымъ, благочестивымъ, христолюбивымъ", а престолъ его „православнымъ великимъ самодержствомъ". Сначала—это только цвѣты духовнаго краснорѣчія, которыми епископы осыпали великихъ князей московскихъ, а потомъ новые эпитеты вошли въ царскій титулъ, въ которомъ сохраняются донынѣ.

Но чтобы новое положеніе московскаго князя было прочно, сдѣлалось общепризнаннымъ и привело его къ политическому могуществу, московскій государь долженъ былъ пройти нѣсколько ступеней, которыя довели его до этого могущества.

Нужна была работа современныхъ духовныхъ ораторовъ и публицистовъ. Работа эта имѣла цѣлью установить преемство Москвы какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи отъ Византіи. Фактически ни того, ни другого преемства, конечно, установить было нельзя и потому обратились къ идеальному преемству при помощи легендъ и теорій, „басенъ своихъ бахарей," по остроумному выраженію польскаго короля Стефана Баторія.

Такимъ образомъ, появилось на русской почвѣ извѣстное ученіе о „Москвѣ—третьемъ Римѣ".

Первый Римъ (католическій) палъ отъ аполлинаріевой ереси, второй Римъ (православный, Византія) палъ послѣ взятія Византіи турками, четвертому Риму не бывать, а третій, преемникъ Византіи, будетъ стоять вѣчно. Этотъ третій Римъ и есть Москва. Въ настоящее время наукой установлено, что теорія о „новомъ Римѣ" впервые появляется у южныхъ славянъ, въ болгарской рукописи XIV вѣка. Эту почетную роль они готовили столицѣ своей земли—Тырнову. Но историческія событія разбили въ прахъ мечты славянъ и сдѣлали ихъ невольниками мусульманъ вмѣстѣ съ грека-

ми. Въ поискахъ уже освобожденія отъ иновѣрнаго ига, они обратили свои взоры на московскаго царя и перенесли на Москву надежды, возлагавшіяся раньше на Тырновъ. Москва тогда обращается въ „новый Константиноградъ“, которому предстоитъ вѣчно сіять, а московскій „царь и самодержецъ“ въ „новаго царя Константина“.

Теорія эта въ Москвѣ нашла себѣ радушный пріемъ, равно какъ и мысль объ освобожденіи славянъ отъ мусульманъ. Сначала она попала въ пасхалію, составленную митрополитомъ Зосимой въ 1492 году. Затѣмъ мы ее находимъ въ передѣлкѣ „хронографа“ (очеркъ южно-славянской исторіи въ связи съ византійской и русской), сдѣланной псковскимъ старцемъ Филофеемъ. Въ заключительныхъ строкахъ своей передѣлки Филофей указываетъ на высокое призваніе Москвы, „новаго Цареграда“.

„Православные питаютъ надежду, что послѣ достаточнаго наказанія снова всесильный Господь возжетъ во тьмѣ злочестивыхъ властей погребенную, словно въ пеплѣ, искру благочестія и попалитъ, какъ терніи, царство измаильтянъ злочестивыхъ и просвѣтитъ свѣтъ благочестія, и вновь поставитъ благочестіе и царя православнаго. Ибо всѣ эти благочестивыя царства—греческое, сербское, босенское и албанское и иныя за множество грѣховъ нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожные турки поплѣнили и въ запустѣніе привели и подъ свою власть покорили. Наша же *россійская земля*, Божіей милостью и молитвами Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ, *растетъ и молодѣетъ и возвышается.* Дай ей, Христе милостивый, расти и молодѣть и шириться *до скончанія вѣка*“.

Тотъ же Филофей распространялъ свои идеи при помощи посланій великимъ князьямъ.

Такъ, въ посланіи къ Ивану III онъ обращается съ слѣдующими словами:

„Блюди же и внемли, благочестивый царь, что всѣ христіанскія царства сошлись въ твое единое, что два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть; твое христіанское царство уже инымъ не достанется“.

Наконецъ, идея преемства попала въ уложенную грамоту объ учрежденіи патріаршества, т. е. получила оффиціальное признаніе.

Но современники скоро нашли, что для русской церкви, отмѣченной перстомъ Божіимъ, недостаточно преемства, ибо въ преемствѣ есть зависимость, несогласная съ достоинствомъ церкви, призванной осуществить великую міровую задачу. Она должна быть самостоятельна. Обращеніе греческихъ митрополитовъ послѣ паденія Византіи за помощью и покровительствомъ къ Москвѣ, а также и славянскаго духовенства, постоянно напоминало объ этомъ. И вотъ, для удовлетворенія національно-религіознаго самолюбія, за невозможностью обосновать самостоятельность русской церкви историческимъ путемъ, реставрируется (возобновляется) извѣстное преданіе о посѣщеніе Кіева апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ и водруженіи имъ здѣсь креста. Исходя изъ этого преданія, литературные памятники того времени утверждали, что „благочестивый апостолъ Андрей *первіе* благословивый землю нашу русскую и прообразивый намъ святое крещеніе истиннаго благочестія“, т. е. крестилъ Русь и, по словамъ иностранца Герберштейна, такое мнѣніе о принятіи христіанства до Владиміра было широко распространено среди русскихъ. Въ этомъ же смыслѣ послѣ говорилъ Иванъ IV іезуиту Антонію Поссевину, („мы на *Москвѣ* приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италіи“... даже „на Москвѣ“, а не въ Кіевѣ), а въ XVII вѣкѣ—извѣстный Арсеній Сухановъ.

Когда, такимъ образомъ, была установлена независимость русской церкви отъ Византіи и доказаны ея,

такъ сказать, историческія права (хотя и воображаемыя) на высокую миссію, тогда духовенство совмѣстно съ публицистами устремило свои заботы на обоснованіе, такъ сказать, юридическихъ правъ церкви, занялось приведеніемъ въ извѣстность заслугъ ея передъ православіемъ, дающихъ ей право на занятое ею высокое положеніе.

Безъ „басенъ“ и здѣсь не обошлось дѣло. Съ помощью ихъ русская церковь обогатилась рядомъ святынь—бѣлымъ клобукомъ папы Сильвестра, иконой Тихвинской Божіей Матери, которая прибыла на Русь изъ Константинополя, „предварившя ею злое отъ поганыхъ одержаніе“, иконой Спаса, тоже оставившей Константиноградъ и переселившейся въ Новгородъ. Но перечисленныя святыни были иноземнаго происхожденія, и появленіе ихъ въ русской церкви лишь свидѣльствовало о чистотѣ русской вѣры, не прибавляя въ сущности никакихъ заслугъ.

Тогда обратились къ исторіи насажденія христіанства на Руси и нашли, что русскіе проповѣдники и сподвижники ничѣмъ не хуже другихъ и достойны быть причисленными къ лику святыхъ. Соборы 1547 и 1549 годовъ совершили актъ канонизаціи надъ 40 русскими сподвижниками.

И „съ того времени—по словамъ одного составителя „житій“—церкви Божіи въ русской землѣ не вдовствуютъ памятями святыхъ, и русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ, яко же вторый великій Римъ и Царствующій градъ: тамо бо вѣра православная испроказилася Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же въ рустѣй земли *паче просія* святыхъ отецъ *нашихъ* ученіемъ“.

Такимъ образомъ, стараніями и трудами представителей русской церкви и публицистики XV—XVI вѣковъ подъ вліяніемъ Византіи и южно-славянскихъ

выходцевъ, въ XVI вѣкѣ было воздвигнуто солидное зданіе русской церкви на національномъ фундаментѣ.

Параллельно съ постройкой и национализаціей русской церкви, въ тѣсной связи съ нею, шелъ подобный же процессъ въ государственной сферѣ. Здѣсь тоже былъ поставленъ вопросъ сначала о преемствѣ политическомъ отъ Византіи, а потомъ о полной эмансипаціи (освобожденіи) отъ нея и разрушены были оба вопроса тоже при посредствѣ „басенъ бахарей" за отсутствіемъ подлинныхъ фактовъ.

Въ подтвержденіе политическаго преемства создалась извѣстная повѣсть о „мономаховомъ вѣнцѣ". Согласно повѣсти, греческій императоръ Константинъ Мономахъ для умилостивленія Владимира Мономаха, начавшаго войну съ Греціей, послалъ Владимиру царскія регаліи, въ числѣ ихъ мономахову шапку. И „оттолѣ—говоритъ повѣсть—тѣмъ царскимъ вѣнцомъ вѣнчаются всѣ великіе князи владимірскіе, егда ставятся на великое княженіе".

Этотъ литературный памятникъ удостоился, такъ сказать, оффиціальнаго признанія. На царскомъ мѣстѣ въ Успенскомъ соборѣ, поставленномъ въ 1552 г., написана и иллюстрирована вся повѣсть о мономаховомъ вѣнцѣ. И князья, а потомъ цари, дѣйствительно, вѣнчались на царство шапкой Мономаха (конечно, не присланной изъ Греціи, а русскаго издѣлія).

Но, чтобы стать въ уровень съ высокимъ положеніемъ, занятымъ московскими князьями, надо было окончательно освободиться отъ Византіи, отвергнуть всякое преемство, какъ передъ тѣмъ отвергли зависимость религіозную. Это было сдѣлано при помощи того же сказанія объ Андреѣ Первозванномъ, которому легенда приписала не только установленіе христіанства на Руси, но и „самодержавное скипетро-правленіе". Русское „скипетро-правленіе", согласно легендѣ, началось отъ Рюрика, который былъ отъ прусова племени.

Прусъ же братъ римскаго кесаря Августа. Когда Августъ передъ смертью сталъ дѣлить свои владѣнія между родственниками, то брату Прусу далъ землю на берегахъ р. Вислы, родственника этого Пруса въ четырнадцомъ колѣнѣ—Рюрика и призвали славяне.

Такимъ образомъ, оказывалась „несомнѣнной“ кровная связь дома Рюриковичей съ домомъ римскаго кесаря Августа. Послѣ этого не нужно было никакого преемства отъ Византіи. Эта „басня“ тоже получила широкое распространеніе и удостоилась оффиціальнаго признанія—на нее постоянно ссылаются московскіе государи.

Слѣдовательно, политическій ростъ московскихъ государей шелъ одновременно и въ прямой зависимости съ ихъ религіознымъ ростомъ, какъ представителей и охранителей православія.

На этой почвѣ образовалась цѣлая теорія верховной власти, пріуроченная стараніями духовенства къ московскимъ государямъ. Она вышла изъ Волоколамскаго монастыря, основатель котораго Іосифъ и ученики его, Даніилъ и Макарій, занимали около столѣтія митрополичью каѳедру и сдѣлали все, чтобы усилить власть московскихъ государей.

Мы уже указывали раньше на союзъ русской церкви съ государствомъ, заключенный послѣ переселенія митрополита въ Москву. Теперь онъ, благодаря публицистической и практической дѣятельности Іосифа и его послѣдователей, изъ факта обратился, такъ сказать, въ норму, получилъ теоретическое обоснованіе и религіозную санкцію.

Поводомъ для іосифлянъ (какъ назывались послѣдователи Іосифа) послужила борьба съ ересью жидовствующихъ. Они хотѣли искоренить ересь при помощи свѣтской власти и направили всѣ свои усилія,

чтобы склонить московскихъ государей къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ противъ еретиковъ. Для этого они стали внушать имъ самое высокое понятіе о своей власти и объ охранѣ *православія*, какъ главной и священной обязанности ихъ.

По словамъ Іосифа, „царь убо естествомъ подобенъ всѣмъ человѣкамъ, *властію же подобенъ вышнему Богу*". И такое высокое положеніе государя обязываетъ его свято выполнять свой долгъ по отношенію къ церкви. Въ чемъ же состоитъ этотъ долгъ?

„Слышите, цари и князи, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть держава вамъ, яко слуги Божіи есте: сего ради поставилъ есть васъ пастыря и стража людемъ своимъ, да *соблюдете стадо его отъ волковъ невредимо*: васъ бо Богъ въ себѣ мѣсто избралъ на земли, и на свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ и мечъ вышняя Божія десницы вручи вамъ: вы же убо да *не держите истину въ неправдѣ*... и *не давайте воли зло творящимъ* человѣкомъ". Возложивъ на московскаго государя охрану православія, Іосифъ надѣляетъ его всей полнотой власти, не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ.

„Священныя правила повелѣваютъ о церковныхъ и монастырскихъ обидахъ приходить къ православнымъ царямъ и князьямъ"—говоритъ игуменъ Волоколамскаго монастыря. По словамъ Іосифа, Иванъ III *„всѣмъ намъ общій всей русской земли государь"*. „Господь Богъ устроилъ (его) вмѣсто себя и посадилъ на царскомъ престолѣ, предавъ ему *судъ и милость* и вручивъ *и церковное и монастырское, и власть надъ всѣмъ православнымъ государствомъ и всей русской землей"*.

Такимъ образомъ, начавъ съ частнаго вопроса искорененія ереси жидовствующихъ, Іосифъ пришелъ къ ученію о полнотѣ верховной власти московскаго

государя и вполнѣ отдался подъ его покровительство, т. е. дошелъ до подчиненія церкви государству.

Не трудно догадаться, откуда взято это ученіе, если сопоставить его съ слѣдующимъ мѣстомъ посланія константинопольскаго патріарха Василію Дмитріевичу въ отвѣтъ на его протестъ противъ зависимости отъ византійскаго императора.

„Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя, ибо *царство и церковь* находятся *въ тѣсномъ союзѣ* и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга... Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ (разумѣется, византійскій императоръ) не то, что иные помѣстные князья и государи. Цари съ самаго начала упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы, они же своими законами повелѣли *соблюдать святые догматы и правила жизни христіанской, боролись съ ересями* ... За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви...“

Когда жилъ Іосифъ, не было уже византійскаго императора, и его роль и положеніе перешли къ московскому государю.

Въ томъ же посланіи далѣе говорится: „Послушай апостола Петра, сказавшаго: „Бога бойтесь, царя чтите“. Апостолъ не сказалъ: „царей“, чтобы кто не сталъ подразумѣвать подъ этимъ именующихся царями у разныхъ народовъ, но *„царя“*, указывая тѣмъ, что *одинъ царь во вселенной*... Всѣ другіе присвоили себѣ имя царей насиліемъ“.

И Іосифъ проводитъ мысль о единодержавіи, называя Ивана III „всея Русская земли *государямъ государь*“ и требуетъ отъ удѣльныхъ князей „любить богодарованнаго царя всѣмъ сердцемъ, оказывать ему покореніе и послушаніе и работать ему по всей его волѣ и повелѣнію, какъ работаютъ Господу, а не человѣкамъ“.

То же начало послушанія должно господствовать, по мнѣнію Іосифа, и въ отношеніяхъ населенія къ государю. „Да послужитъ имъ образцомъ иноческое послушаніе“.

Мысль о единодержавіи еще лучше была формулирована послѣдователемъ Іосифа—Зиновіемъ, который прямо говорилъ, что „единоначаліе—добро и полезно, безначаліе и многоначаліе—зло и пакостно“.

Проповѣдь духовенства о богоустановленности власти московскихъ государей и исключительномъ призваніи ихъ, міровой миссіи, понятно, не могла пройти безслѣдно для сознанія самихъ представителей власти, непремѣнно должна была отразиться на психологіи московскихъ государей.

Слыша постоянно, со всѣхъ сторонъ, что они поставлены Богомъ, что имъ всѣ обязаны безусловной покорностью, что они одни во всей вселенной истинные цари и т. д., они глубоко убѣдились въ этомъ, всецѣло прониклись сознаніемъ высоты и исключительнаго достоинства своей власти и стали открыто заявлять объ этомъ.

Сферой для заявленій въ этомъ родѣ московскимъ государямъ послужила международная политика. Они стараются пропагандированныя духовенствомъ и публицистами мысли закрѣпить въ формѣ титула и получить оффиціальное признаніе его другими государями.

Въ частности, въ Литвѣ московскимъ государямъ нужно было добиться признанія за ними наименованія „великаго князя *всея Руси*“. Великій князь „всея Руси“—по мнѣнію московскихъ государей, можетъ быть только одинъ и только московскій, ибо ему одному, какъ наслѣднику и преемнику древне-русскихъ князей, принадлежитъ право на обладаніе „*всей* Русской землей“. Между тѣмъ, то же самое наименованіе „великаго князя всея Руси“ упорно присваиваетъ себѣ литовскій государь. Поэтому заставить литовскаго государя от-

казаться отъ наименованія „великаго князя всея Руси“ и признать право на этотъ титулъ исключительно за московскимъ государемъ дѣлается главною цѣлью и основнымъ мотивомъ внѣшней политики Москвы и Литвы. Въ сношеніяхъ съ послѣдней московскіе князья съ удареніемъ именуютъ себя „Божіею милостью *государемъ всея Руси,*“ и на протестъ литовскихъ государей, что они слишкомъ высоко себя титулуютъ, не по старинѣ, московская дипломатія гордо отвѣчала:

„Государь нашъ ничего высокаго не писалъ и никакой новости не вставилъ. Онъ отъ начала—*правый урожденецъ—государь всея Руси,* чѣмъ его *Богъ подаровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ*“.

Борьба за титулъ проходитъ черезъ всю исторію отношеній Литвы и Руси и нерѣдко служитъ причиной дипломатическихъ осложненій. Обѣ стороны считали вопросъ о титулѣ весьма существеннымъ, ибо за нимъ стояла формула: „Кіевъ, Витебскъ, Полоцкъ и иные многіе города русскіе“, и признаніе его влекло за собой признаніе права на обладаніе всей русской территоріей. Ради этого вполнѣ реальнаго содержанія титула московскіе государи и „ломаютъ копья“. Настаивая на титулѣ „великаго князя *всея Руси*“, они съ не меньшимъ упорствомъ настаиваютъ на принадлежности имъ всѣхъ русскихъ земель, подвластныхъ Литвѣ, называя ихъ „нашей отчиной“. При Иванѣ III литовскимъ посламъ, требовавшимъ возвращенія взятыхъ городовъ и волостей, отвѣтили:

„Для чего намъ тѣхъ городовъ и волостей *своей отчины,* которые намъ Богъ далъ, ему (литовскому государю) отступаться? И не одни тѣ города—наша вотчина, кои городы и волости нынѣ за нами: *вся русская земля,* Кіевъ и Смоленскъ и иные городы, которые онъ за собою держитъ къ литовской землѣ, съ Божіею волею изъ старины отъ нашихъ прародителей

наша отчина". „*Своей отчины, всей русской земли* отчего намъ не хотѣть?"

То же говорилъ Василій III, а Иванъ IV даже не считалъ возможнымъ имѣть вѣчный миръ съ литовско-польскимъ государствомъ, пока въ его составъ входитъ отчина московскаго государя.

„За королемъ польскимъ (и литовскимъ) *наша вотчина извѣчная*: Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и иные многіе города русскіе. Такъ пригоже-ли съ польскимъ королемъ вѣчный миръ заключить? Если теперь вѣчный миръ заключить, то впредь черезъ крестное цѣлованіе вотчины своей искать будетъ уже нельзя, а крестнаго цѣлованія я нарушить не хочу".

Но исторія титула московскихъ государей не остановилась на этомъ. Титулъ начинаетъ развиваться независимо отъ польско-литовскихъ отношеній, самъ по себѣ, становится самъ цѣлью политическихъ притязаній московскихъ государей и растетъ пропорціонально ихъ политическому росту.

Послѣ первыхъ политическихъ успѣховъ—сверженія татарскаго ига, женитьбы Ивана III на греческой царевнѣ и установленія преемства отъ византійскихъ императоровъ, московскіе государи спѣшатъ заявить міру, что они въ своемъ царствѣ самостоятельные государи, власть свою имѣютъ лишь отъ Бога. Иванъ III, когда ему германскій посолъ предлагалъ выхлопотать королевскій титулъ, съ гордостью отвѣчалъ:

„Мы, *Божіею милостью*, государи на своей землѣ *изначала*, отъ первыхъ своихъ прародителей и *поставленіе имѣемъ отъ Бога*, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмы нынѣ государи на своей землѣ, а поставленія какъ есмы напередъ сего не хотѣли не отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ".

И въ титулѣ московскихъ государей появляется соотвѣтствующія богоустановленности и независимости власти наименованія—„царь и самодержецъ Божіею милостію“. По крайней мѣрѣ Иванъ III во внѣшнихъ сношеніяхъ (кромѣ Литвы) всегда титулуетъ себя такимъ образомъ.

Сынъ Ивана III, Василій, еще чаще употребляетъ титулъ „царя и самодержца“ и не только во внѣшнихъ сношеніяхъ, но и въ актахъ внутренняго управленія (грамота Псковскому Петропавловскому монастырю 1510 года). Василій добился признанія за собой этого титула императоромъ Максимиліаномъ, который въ мирномъ договорѣ 1514 г. назвалъ его „цесаремъ и обладателемъ всея Руси“. Есть извѣстія, что Василій хотѣлъ возложить на себя царскій вѣнецъ, выхлопоталъ у папы королевскій титулъ. Но что не успѣлъ сдѣлать отецъ, то сдѣлалъ сынъ. Иванъ IV въ 1547 году торжественно вѣнчался на царство и принялъ титулъ царя. Такимъ образомъ, политическія притязанія московскихъ государей на титулъ царя стали политическимъ фактомъ.

Первый царь Руси использовалъ свое новое положеніе какъ нельзя лучше и практически, и теоретически. Своимъ правленіемъ, хорошо извѣстнымъ по произволу и жестокостямъ, онъ замѣчательно ярко оттѣнилъ безусловность и деспотизмъ царской власти. Въ то же время, обладая крупнымъ литературнымъ талантомъ, онъ, какъ никто до него, а, пожалуй, и послѣ, не формулировалъ такъ полно и ярко сущность царской власти.

Забывъ свое совсѣмъ недавнее вѣнчаніе на царство, но хорошо помня завѣты предшественниковъ и уроки духовно-публицистической литературы, Иванъ IV выступилъ съ цѣлой теоріей власти, въ которой видное мѣсто занимаетъ „изначальность“ власти, „богоустановленность“, „безусловность“ и превосходство ея

надъ всѣми другими властями въ мірѣ - кромѣ, кажется, турецкой.

„Русское самодержавство Божіимъ изволеніемъ *починъ отъ великаго князя Владимира св. и Владимира Мономаха*, высокодостойнѣйшую честь отъ грекъ воспріимшаго и дойде до насъ смиренныхъ скипетродержанія русскаго царствія... *Божіимъ изволеніемъ* и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, якоже *родихомся во царствіи*, тако и возрастохомъ и воцарихомся... *свое взяхомъ*, а не чужое восхитихомъ"...

Въ глазахъ Ивана IV власть „Божіимъ изволеніемъ" неизмѣримо выше власти по избранію народа.

„Мы смиренный Іоаннъ (вмѣсто просто Иванъ) царь и великій князь всея Руси—писалъ Грозный Баторію съ укоромъ—по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію".

Власть „Божіею милостію" и есть только истинная власть. Она должна быть неограниченной. „Неужели хорошо—спрашиваетъ Иванъ IV въ письмѣ къ кн. Курбскому—когда попы и прегордые лукавые рабы народъ владѣютъ, а царь только предсѣдательствуетъ и царствія честью почтенъ бываетъ, властію же ничѣмъ не лучше раба?.. Какой же онъ самодержецъ, когда не самъ управляетъ?".

„Горе дому, имъ же домомъ жена обладаетъ; горе граду, имъ же мнози обладаютъ". Надъ властью ограниченной Иванъ IV зло смѣется. „И мы чаяли того—писалъ Грозный англійской королевѣ Елизаветѣ въ 1570 году,—что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка... Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ, и не токмо люди, а мужики торговые (нижняя палата, палата общинъ) и о нашихъ государскихъ головахъ и о честяхъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣви-

ческомъ чину, какъ есть пошлая (обыкновенная) дѣвица“.

Тогда какъ онъ—полный государь въ своемъ государствѣ, „самъ строитъ“ свое государство, никто ему не можетъ указа учинить, подданные его—рабы, которые „не должны отметаться своего работнаго ига и владычества своего государя“.

„Доброхотныхъ своихъ (т. е. подданныхъ) жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ, а иже обрящутся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ“. „А жаловать своихъ холопій (подданныхъ) вольны, а и казнить вольны же. Подданные отданы царю Богомъ въ работу, и царь отвѣчаетъ за нихъ только передъ Богомъ“.

Такъ слово „самодержецъ“, означавшее сначала независимость верховной власти отъ чужеземной власти, стало означать независимость ея отъ населенія безусловность власти внутри страны.

Въ своемъ самовозвеличеніи Иванъ IV дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Онъ сталъ смотрѣть сверху внизъ на иностранныя государства и мѣрить ихъ достоинство московской мѣркой. Быть на равной ногѣ съ московскимъ государемъ могъ только тотъ государь, который столь же знатнаго и древняго происхожденія, какъ и московскій—прямой потомокъ цезаря Августа. Выраженіемъ политическаго равенства тогда служило наименованіе „братомъ“ государя, съ которымъ сносились. Быть „въ братствѣ“ означало быть въ равныхъ отношеніяхъ.

И вотъ, московская дипломатія прежде, чѣмъ назвать въ сношеніяхъ какого-либо иностраннаго государя „братомъ“, производила тщательнѣйшія розысканія о его происхожденіи и характерѣ власти. Любопытно, что безспорнымъ признавалось право на „братство“ съ московскимъ царемъ только за Турціей.

Въ соотвѣтствіи измѣнившемуся политическому положенію московскихъ государей измѣнилась и внѣшняя обстановка ихъ власти. Обыкновенно эту перемѣну связываютъ съ появленіемъ Софіи Ѳоминишны, супруги великаго князя Ивана III, привыкшей къ порядкамъ византійской придворной жизни и мечтавшей объ устройствѣ такого же двора на Руси.

При дворѣ московскаго государя, дѣйствительно, съ этого времени замѣчается небывалая дотолѣ пышность и этикетъ, устанавливаются пріемы, церемоніалъ, появляется гербъ и другіе знаки внѣшняго отличія. Былыя простыя и близкія отношенія между княземъ и населеніемъ смѣняются чопорными, на почтительномъ разстояніи.

Посѣщавшіе въ то время Россію иностранцы отмѣчаютъ происшедшую перемѣну въ отношеніяхъ великаго князя къ населенію и изумляются высокомѣрію ихъ и неограниченности власти ихъ.

Напримѣръ, извѣстный Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ при Иванѣ III и Василіи, оставилъ такую любопытную характеристику первыхъ русскихъ самодержцевъ.

По его словамъ, Иванъ III былъ страшный деспотъ, передъ которымъ все трепетало.

„Женщинамъ онъ былъ до того страшенъ, что если какая-нибудь случайно попадалась ему навстрѣчу, то отъ его взгляда только что не лишалась жизни. Не было къ нему доступа для бѣдныхъ, обиженныхъ и притѣсненныхъ сильными. За обѣдомъ онъ большею частью до того напивался, что засыпалъ, а всѣ приглашенные между тѣмъ отъ страха молчали“.

Про управленіе Василія Герберштейнъ говоритъ: „Государь рѣшаетъ самъ всѣ духовныя и мірскія дѣла, хотя совѣтники у него есть, но никто изъ нихъ не смѣетъ разноголосить съ государемъ, не только что противорѣчить ему. Всѣ говорятъ: „воля государя—

Божья воля", что ни дѣлаетъ государь, все это онъ дѣлаетъ по Божьей волѣ; онъ словно какъ ключникъ или дворецкій у Господа Бога,—творитъ то, что Богъ велитъ. Самъ государь, если его о чемъ-нибудь просятъ, хоть, напримѣръ, объ освобожденіи узника, обыкновенно отвѣчаетъ: „если Богъ повелитъ—освободимъ". Равнымъ образомъ, если кто спрашиваетъ другого о чемъ-нибудь неизвѣстномъ или сомнительномъ, то ему отвѣчаютъ такою фразою: про то вѣдаютъ "Богъ, да великій государь!" „Не знаю—говоритъ, въ заключеніе иностранецъ—или народъ по своей грубости требуетъ такого тирана себѣ въ государи, если тираннія государя сдѣлала народъ грубымъ, безчувственнымъ и жестокосерднымъ".

Можно было бы заподозрить иностраннаго наблюдателя въ пристрастіи или плохой освѣдомленности, но такое же впечатлѣніе производило самовластіе великихъ князей и на современниковъ русскихъ, которые тоже отмѣчаютъ указанную нами перемѣну.

„Какъ пришли сюда греки—говоритъ извѣстный опальный бояринъ Берсенъ—такъ наша земля и замѣшалась, а до тѣхъ поръ земля наша русская жила въ тишинѣ и въ миру".

„Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи великій князь перемѣнилъ; такъ какого добра отъ насъ ждать?"

Въ чемъ же эта перемѣна? Въ томъ, что „теперь государь нашъ, запершись самъ-третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ", т. е. въ самовластіи.

Царствованіе Ивана IV слишкомъ хорошо извѣстно крайнимъ произволомъ и деспотизмомъ, чтобы останавливаться на личности этого царя-тирана въ доказательство развившагося въ Московскомъ государствѣ самодержавства. Для полноты картины мы только напомнимъ читателю слѣдующее мѣсто изъ поэмы

Алексѣя Толстого „Потокъ-богатырь"—моментъ пробужденія богатыря въ царствованіе Грознаго.

Пробудился Потокъ на Москвѣ на рѣкѣ.

. . . .

Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ.
Гонятъ палками встрѣчныхъ съ дороги...
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи,
Его милость сбираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить или вѣшать.
И во гнѣвѣ за мечъ ухватился Потокъ:
Что за ханъ на Руси своеволитъ?
Но вдругъ слышитъ слова: то земной ѣдетъ богъ!
То отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи—
Всѣ передъ нимъ повалились на брюхи.

IV.

Характеристика верховной власти московскихъ государей въ XVI вѣкѣ по духовнымъ и договорнымъ грамотамъ. Вотчинное происхожденіе московскаго государства и слабое развитіе государственныхъ началъ въ XVI вѣкѣ.

Такимъ образомъ, къ XVI вѣку Русь была „собрана" и надъ „собранной Русью" установилась верховная власть московскаго государя—„царя и самодержца" „Божіею милостію". Была очерчена опредѣленная территорія и создана матеріальная основа власти въ видѣ объединенныхъ удѣловъ, но, тѣмъ не менѣе, государства въ нашемъ смыслѣ еще не было, потому что не было двухъ существенныхъ признаковъ истинно государственной организаціи. Не было—высшаго начала и единства власти. По современному ученію о госу-

дарствѣ, въ основѣ его лежитъ высшее начало, начало общаго блага, которое и служитъ руководящей цѣлью для верховной власти. Московскимъ же князьямъ чуждо всякое высшее начало и начало общаго блага въ особенности. Они въ своихъ планахъ не идутъ дальше матеріальнаго обогащенія и преслѣдуютъ исключительно интересы своего дома, своей династіи.

Въ этомъ мы легко убѣдимся изъ знакомства съ интересными памятниками права XIV—XVI вѣковъ—такъ называемыми „духовными и договорными грамотами“ великихъ и удѣльныхъ князей, въ томъ числѣ и московскихъ.

По древне-русскому обычаю, московскіе князья, „отходя отъ свѣта сего“, писали завѣщаніе (духовныя грамоты), въ которыхъ распоряжались относительно своего „государства“. Въ этихъ духовныхъ грамотахъ мы и находимъ отраженіе названныхъ матеріальныхъ интересовъ и семейныхъ заботъ. Высшаго же начала въ видѣ общаго блага мы здѣсь не найдемъ. Если въ дипломатическихъ актахъ, гдѣ московскіе государи торжественно и высокомѣрно именуютъ себя „царями и самодержцами Божіею милостію“, мы наблюдаемъ ихъ въ праздничной обстановкѣ, видимъ казовую сторону ихъ жизни, то въ духовныхъ мы наблюдаемъ московскихъ государей въ будничной обстановкѣ, „запросто“, видимъ изнанку ихъ жизни. Порядокъ передачи „государства“ по завѣщанію существовалъ отъ „перваго собирателя“—Ивана Калиты до Ивана IV, и всѣ духовныя московскихъ князей по формѣ и по общему духу, характеру похожи другъ на друга, такъ что достаточно познакомиться съ одной изъ нихъ, чтобы имѣть понятіе обо всѣхъ. Остановимся на духовной Калиты.

Она начинается такъ:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се азъ грѣшный худый рабъ Божій Иванъ пишу душевную грамоту“... „даю рядъ сынамъ своимъ и княгинѣ сво-

ей“. Далѣе слѣдуетъ самый „рядъ“, распредѣленіе между дѣтьми и женой движимаго и недвижимаго имущества и наставленія, какъ жить послѣ смерти завѣщателя.

„Приказываю сынамъ своимъ отчину свою Москву“, т. е. всѣмъ вмѣстѣ для совмѣстнаго владѣнія безраздѣльно. А остальному имуществу „имъ раздѣлъ учинилъ“. „Се далъ есмь сыну своему большему Семену— Можайскъ со всѣми волостями, Коломну со всѣми коломенскими волостями (перечисляются всѣ волости). Тому же сыну: 4 цѣпи золотыя, 3 пояса золотыхъ, 2 чаши золотыхъ съ жемчугомъ, блюдце золотое съ жемчугомъ съ каменьемъ и 3 блюда серебряныхъ“. Далѣе перечисляются доли въ недвижимомъ и движимомъ слѣдующихъ сыновей и жены, княгини. Города и волости чередуются съ поясами, цѣпями, шапками, жемчугомъ и золотомъ. Кромѣ того еще упомянуты „бортники и оброчники купленые“ и „численные люди“, т. е. люди, съ которыхъ шелъ доходъ въ княжескую казну, которые передаются или въ общее или въ раздѣльное владѣніе.

Въ заключеніе завѣщатель говоритъ:

„А приказываю тебѣ сыну своему Семену (старшему) братью твою младшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми, по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ“.

Хотя духовную писалъ „государь всея Руси“, однако, государя въ нашемъ смыслѣ не видно. Передъ нами „рабъ Божій Иванъ“, добрый хозяинъ и не менѣе добрый семьянинъ. „Отходя отъ свѣта сего“, онъ никого не забылъ и ничего не упустилъ—всѣ наслѣдники получаютъ свою точно и подробно опредѣленную долю и всѣмъ имъ вмѣстѣ дается предсмертный совѣтъ жить въ мирѣ и согласіи. Исполненіе этой послѣдней воли отца, какъ и вообще забота о семьѣ, возлагается на старшаго сына. Ничего только не сказано о населеніи, о подданныхъ.

Удивительна въ данномъ случаѣ не форма акта (частная), а его содержаніе, отношеніе завѣщателя къ передаваемому имъ имуществу и послѣдняя воля его своимъ наслѣдникамъ. Передача государства по завѣщанію возможна въ государственномъ правѣ и была у насъ установлена Петромъ I. Но государство передается отъ государя къ государю въ цѣломъ видѣ. Переходитъ въ сущности не территорія и населеніе, имѣющія самостоятельное значеніе, а права верховной власти, которыя недѣлимы, иначе уничтожается верховная власть, какъ таковая По духовной же Калиты, все, кромѣ Москвы, идетъ въ раздѣлъ, и города и волости ставятся рядомъ съ шапками, цѣпями и портами. Что же это значитъ?

Это значитъ, что еще живъ древне-русскій взглядъ на управленіе, господствовавшій въ удѣльное время. Управленіе тогда разсматривалось какъ доходная статья, оно было не само по себѣ цѣлью, а средствомъ для полученія всевозможныхъ пошлинъ и даней и называлось своеобразно: „кормленіемъ". Съ этой точки зрѣнія Калитой расцѣниваются города и волости. Москва поэтому, какъ наиболѣе доходная статья, не отдана одному сыну, а предоставляется въ совмѣстное пользованіе всѣхъ дѣтей. Каждый будетъ эксплоатировать свою долю. При такой точкѣ зрѣнія возможно помѣщеніе въ духовной рядомъ недвижимаго имущества съ движимымъ и даже оброчныхъ и численныхъ людей. Населеніе, судьба котораго не можетъ быть безразлична для настоящаго государя, въ нашемъ случаѣ разсматривается тоже какъ доходная статья, предметъ хозяйственной эксплоатаціи. Калита указалъ только оброчниковъ и численныхъ людей—какъ пользоваться сборами съ нихъ—умолчавъ объ остальномъ населеніи.

Очевидно, для него государство—вотчина, предметъ хозяйственной эксплоатаціи какъ со стороны тер-

риторіи, такъ и со стороны населенія, въ которой онъ воленъ, какъ всякій хозяинъ, и потому онъ такъ свободно ею распоряжается—будь то городъ или женская тѣлогрѣя.

Судьба населенія сама по себѣ его не интересуетъ, а судьба близкихъ, семьи очень близка его сердцу. На это указываетъ послѣдняя часть духовной. Желая обезпечить семейный ладъ и патріархальный строй, онъ поручаетъ семью старшему сыну. Ту же заботу, лишь въ другихъ выраженіяхъ, найдемъ и въ духовныхъ преемниковъ Калиты. Всѣ они, умирая, завѣщаютъ дѣтямъ жить въ мирѣ и согласіи, „быть за одинъ" и слушаться „вмѣсто отца" старшаго брата или „матери своей".

Въ такомъ же родѣ распоряженія относительно „государства" и преемниковъ Калиты. Только они вовремя сообразили, что раздѣлъ „государства" между всѣми наслѣдниками ослабляетъ самое „государство", дробитъ его и, въ концѣ концовъ, можетъ уничтожить всѣ плоды ихъ собирательной работы. И вотъ, чтобы предупредить подобный печальный исходъ, московскіе князья начинаютъ выдѣлять старшаго сына, давать ему большую долю „на старѣйшій путь". Такъ, Донской выдѣлилъ старшему сыну $^1/_3$ своихъ владѣній, Василій Темный болѣе $^1/_2$, Иванъ III—$^3/_4$. Параллельно съ этимъ они увеличиваютъ и власть его надъ братьями—требуютъ въ завѣщаніи не только слушаться старшаго брата, но и не оспаривать у него власти, не строить козней противъ него, „во всемъ ему хотѣть добра, во всемъ *въ воли* его быть *до крови и до смерти*". Такимъ образомъ, семейный инстинктъ, опасеніе за цѣлость фамильнаго достоянія толкалъ безсознательно московскихъ князей на государственный путь. Но тотъ же инстинктъ удерживалъ ихъ отъ рѣшительнаго шага въ этомъ направленіи, и даже Иванъ IV, при которомъ верховная власть сдѣлала очень значи-

тельные государственные успѣхи, не могъ удержаться изъ родственныхъ чувствъ, чтобы не выдѣлить Углича (удѣлъ) своему младшему сыну Дмитрію, т. е. поступить вопреки государственнымъ интересамъ.

Единство верховной власти, требующееся отъ государственной организаціи, состоитъ въ томъ, что на всемъ пространствѣ государственной территоріи дѣйствуетъ только одна верховная власть. Въ московскомъ же „государствѣ" XIV—XVI вв. этого нѣтъ. Рядомъ съ московскимъ „государемъ" стоятъ удѣльные „государи", бывшіе удѣльные князья. Съ этой стороной московской „государственной" организаціи насъ знакомятъ „договорныя грамоты", служащія хорошимъ дополненіемъ „духовныхъ".

Въ договорныхъ грамотахъ мы находимъ взаимныя обязательства князей, касающіяся родственныхъ отношеній, какъ членовъ одной семьи, внутренняго управленія въ удѣлахъ каждаго князя и внѣшнихъ отношеній.

Первыя отношенія (родственныя) опредѣляются въ договорныхъ грамотахъ выраженіями въ родѣ— „быть намъ за одно до смерти", „брата своего старшаго имѣть намъ вмѣсто отца, а брату нашему (старшему) насъ имѣть въ братствѣ и въ чести, безъ обиды", или имѣть вамъ меня (говоритъ старшій братъ) себѣ отцемъ, а мнѣ великому князю васъ держать въ сыновствѣ и въ чести, безъ обиды" и т. п. Такое взаимное обязательство заключается не только между дѣйствительными родственниками, но и совсѣмъ чужими другъ другу князьями въ предположеніи, что они члены семьи, какъ раньше. До такой степени велика сила традиціи и привычки.

Относительно внутренняго управленія въ договорахъ говорится:

„Тебѣ знать свою вотчину, а мнѣ знать свою вотчину", т. е. каждому знать свои владѣнія и не

„вступаться“ во владѣнія другого. Это взаимное обязательство не исключаетъ и великаго князя. Во что же именно „не вступаться“? Не покупать въ чужомъ владѣніи селъ, не держать закладчиковъ (заниматься торгово-промышленными предпріятіями), не посылать приставовъ, даньщиковъ, не давать жалованныхъ грамотъ на землю и угодья (не раздавать земель), т. е., во-первыхъ, не эксплоатировать въ хозяйственномъ отношеніи владѣній другого, во-вторыхъ, не налагать тамъ налоговъ, не посылать своихъ, такъ сказать, правительственныхъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ, великій князь московскій, въ силу подобнаго обязательства, отказывается отъ правъ, входящихъ въ составъ верховной власти—суда и управленія, разъ ему нельзя во владѣнія другого князя посылать своихъ приставовъ и взимать налоги. Съ нашей точки зрѣнія это непонятно. Съ древне-русской объясняется очень просто.

Бывшіе удѣльные князья, перейдя на службу къ московскому князю и ставъ его слугами, въ своихъ удѣлахъ-княжествахъ оставались еще государями для своего населенія, и имъ принадлежало здѣсь право суда и управленія. Послѣднее разсматривалось какъ доходная статья и съ этой стороны интересовало князей. Разсматриваемыя нами договорныя грамоты и имѣютъ цѣлью обезпечить имъ такого рода права.

Въ этомъ смыслѣ они, пожалуй, и не противорѣчили верховнымъ правамъ великаго князя. Но съ государственной точки зрѣнія такого рода права бывшихъ удѣльныхъ князей находились въ очевидномъ противорѣчіи съ верховными правами великаго князя московскаго.

Внѣшнія отношенія князей опредѣлялись формулами—„быть за одно“, „быть тебѣ съ нами, а намъ съ тобой“ (т. е. быть въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ), „хотѣть другъ другу добра“, „имѣть общихъ

друзей и общихъ враговъ". Иногда договоръ касается подробностей--указываетъ, когда кому сѣсть на коня, т. е. итти въ походъ, когда итти въ походъ самому князю, когда посылать воеводу. Въ частности договоръ опредѣлялъ отношенія къ ордѣ. Обыкновенно непосредственное сношеніе съ ордой предоставляется великому князю. „Мнѣ знать орду, а вамъ орды не вѣдать"—говорится на этотъ счетъ въ договорѣ.

Исчерпавъ всѣ между княжескія отношенія, договорная приглашала договаривающихся князей соблюдать договоръ свято подъ страхомъ религіознаго наказанія. „На нарушителѣ не будетъ милости Божьей и Пречистой Его Богородицы и молитвъ великихъ чудотворцевъ... и молитвы святыхъ родителей нашихъ.. въ сей вѣкъ и будущій"... Скрѣплялась договорная грамота обоюдной присягой.

Слѣдовательно, въ договорныхъ грамотахъ мы видимъ тѣ же признаки, свидѣтельствующіе объ отсутствіи истинно-государственной организаціи. Съ государственной точки зрѣнія совершенно непонятенъ договоръ верховной власти (московскаго князя) съ своими подданными относительно повиновенія и исполненія государственныхъ обязанностей. Послѣднее разумѣется само собой и имѣетъ основаніе въ законѣ. Договоръ болѣе умѣстенъ въ частной жизни, для обезпеченія гражданскихъ правъ. Государственная же власть заключаетъ договоръ только съ верховной властью другого государства, т. е. въ международныхъ сношеніяхъ. Затѣмъ никакая верховная власть не можетъ поступаться въ пользу другихъ своими верховными правами (судъ, управленіе), какъ это дѣлаютъ московскіе князья, отказываясь въ удѣлахъ отъ права суда, налоговъ и т. д.

Наконецъ, обезпеченіе договора лишеніемъ милости Божьей „въ семъ и будущемъ вѣкѣ" совсѣмъ не

государственное, даже не юридическое, а семейно-нравственное.

Съ теченіемъ времени и въ области междукняжескихъ отношеній дѣлаются шаги въ сторону государственныхъ понятій. Прогрессъ идетъ постепенно. Сначала договоры изъ двусторонних и равныхъ обязательствъ становятся болѣе односторонними. Великій князь московскій въ договорахъ получаетъ больше правъ и меньше обязанностей, а его контрагенты, наоборотъ, и обязанности пріобрѣтаютъ болѣе безусловный характеръ. А затѣмъ договоръ замѣняется „записью", т. е. актомъ одностороннимъ, дававшимся великому князю другими князьями при поступленіи къ нему на службу. Въ первый разъ такая запись была дана Ивану III княземъ Холмскимъ, въ которой онъ называлъ себя „слугой" великаго князя. Въ то же время заключающіе записи князья начинаютъ называть великаго князя „государемъ" вмѣсто „господина", а себя уже не слугами, а „холопами", т. е. переходятъ съ равныхъ и свободныхъ отношеній на неравныя и несвободныя. „Государь" и „холопъ" въ древней Руси употреблялись въ отношеніяхъ рабовъ къ рабовладѣльцамъ. Обращеніе къ великому князю въ формѣ „государь" впервые было употреблено въ 1485 г. удѣльнымъ княземъ Михаиломъ Верейскимъ, а „холопъ" въ примѣненіи къ служилому человѣку впервые при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ.

Любопытно, что эти несомнѣнно государственныя по существу отношенія—отношенія подданства облеклись въ частныя формы.

Итакъ, духовныя и договорныя грамоты князей вводятъ насъ въ кругъ уже знакомыхъ намъ удѣльныхъ понятій, удѣльныхъ взглядовъ, когда князья сидѣли по своимъ удѣламъ, отгородившись другъ отъ друга, скорѣе хозяйничали, чѣмъ управляли въ удѣлахъ, на самое управленіе смотрѣли, какъ на хозяй-

ство, заключали между собой договоры и вступали въ союзы, какъ самостоятельные государи. И на фонѣ этихъ отношеній московскіе великіе князья представляются намъ такими же удѣльными только съ большей властью и большими владѣніями. Они—„государи", но своеобразно понимающіе свои государственныя обязанности.

Въ этомъ сказалось происхожденіе московскаго государства изъ вотчины.

Образовавшись изъ вотчины (московскаго князя), московское государство, естественно, усвоило себѣ на первыхъ порахъ удѣльное управленіе. Удѣльныя понятія легли прежде всего въ основу московскаго государственнаго порядка, были первымъ вкладомъ. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ намъ внѣшнихъ событій удѣльные порядки измѣнились, что мы и видѣли на духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей (проникновеніе государственныхъ понятій). Но московскіе князья не могли скоро отказаться отъ понятій, воспитанныхъ цѣлыми поколѣніями. Московское государство не могло сразу перейти отъ вотчины къ государству. Оно должно было пройти путь отъ вотчины къ государству такъ же постепенно, какъ его проходили всѣ государства, возникшія изъ вотчины.

„Водвореніе государственныхъ началъ происходитъ постепенно. Князья-вотчинники, естественно, старались увеличить свои владѣнія: Для сохраненія силы установляется право первородства; вотчина перестаетъ дробиться между наслѣдниками. Къ этому присоединяется теократическое понятіе о божественномъ происхожденіи власти, вслѣдствіе котораго князья начинаютъ смотрѣть на себя, какъ на представителей высшаго порядка. Наконецъ, самыя практическія потребности общества ведутъ къ установленію единой верховной власти. Вотчина, такимъ образомъ, преобразуется въ

государство. Однако, слѣды прежняго вотчиннаго устройства долго еще сохраняются и перемѣшиваются съ понятіями чисто-государственными". (Чичеринъ).

Московское государство и проходило этотъ путь, но къ XVI вѣку еще не прошло его. Шестнадцатый вѣкъ для московскаго государства былъ временемъ перехода отъ удѣльныхъ порядковъ къ государственнымъ, и потому въ это время, какъ во всякій переходный періодъ, мы замѣчаемъ такое смѣшеніе и спутанность понятій. Старое существуетъ, на-ряду съ новымъ, государственныя понятія не отдѣлены отъ частныхъ, какъ не разграничены и интересы государственные съ частными. Государственныя права нерѣдко принимаютъ форму частныхъ, а частныя принимаютъ видъ государственныхъ, тѣ и другія идутъ вперемѣшку и мирно уживаются рядомъ, повидимому, нисколько не мѣшая другъ другу.

Въ общемъ все-таки, пожалуй, можно сказать, что пока преобладаніе имѣютъ удѣльныя понятія. По крайней мѣрѣ, поскольку это видно изъ духовныхъ и договорныхъ грамотъ и приводившихся нами раньше взглядовъ московскихъ государей (Ивана III и Ивана IV), въ государственныхъ понятіяхъ очень опредѣленно выступаетъ *личный и частный интересъ*. Въ соотвѣтствіи съ теоріей находилась и практика.

Верховная государственная власть московскаго государя стоитъ рядомъ съ верховными правами бывшихъ удѣльныхъ князей, которыя уничтожаются только послѣ учрежденія опричнины. Дѣйствуетъ верховная власть внѣ всякихъ законныхъ рамокъ, ибо нѣтъ никакихъ, опредѣляющихъ дѣйствіе властей, законовъ, кромѣ „судебника", имѣющаго узкую судебную цѣль. Въ центрѣ управленіе имѣетъ видъ личнаго порученія государя и не опредѣленъ точно кругъ дѣлъ каждаго учрежденія. Мѣстное управленіе, кромѣ того, разсматривается, какъ частное достояніе, какъ источникъ

дохода и называется „кормленіемъ". „Кормленіе" начинаетъ замѣняться самоуправленіемъ и казеннымъ управленіемъ только во второй половинѣ XVI вѣка.

Болѣе существенные успѣхи въ государственномъ отношеніи дѣлаетъ верховная власть московскихъ государей въ XVII вѣкѣ. Прогрессъ происходитъ подъ вліяніемъ пережитаго московскимъ государствомъ на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ соціально-политическаго кризиса, извѣстнаго подъ именемъ „смутнаго времени".

Но, прежде чѣмъ верховная власть достигла такихъ крупныхъ государственныхъ успѣховъ, которые привели ее къ абсолютизму Петра I, она пережила тяжкія испытанія. Она должна была отказаться отъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ ею къ XVI вѣку—богоустановленности и неограниченности власти. Изъ власти „Божіею милостью" она должна была сдѣлаться на нѣкоторое время властью „по многомятежному человѣческому хотѣнію" (выраженіе Ивана IV); т. е. избирательной, и изъ власти неограниченной и безусловной—властью ограниченной, раздѣленной съ „прелукавыми рабами", „работными царю", т. е. народомъ. Это произошло вслѣдствіе оппозиціи московскимъ государямъ, принявшей особенно бурный характеръ въ смутное время. Въ смутное время разрѣшилось въ сущности то, что накапливалось цѣлыми десятками, даже сотнями лѣтъ.

До сихъ поръ мы слѣдили за ростомъ власти московскихъ государей и за общественнымъ содѣйствіемъ, способствовавшимъ этому росту. Но московскіе государи на своемъ пути встрѣчали не однѣ, такъ сказать, розы, но и терніи. На-ряду съ общественнымъ содѣйствіемъ было и общественное противодѣйствіе, оппозиція, задерживавшая ростъ власти московскихъ государей. Съ этой оборотной стороной въ исторіи верховной власти намъ необходимо познакомиться, чтобы не представлять себѣ исторію верховной власти мо-

сковскихъ государей какимъ-то тріумфальнымъ шествіемъ безъ борьбы, безъ неудачъ и не воображать себѣ, что все въ этомъ шествіи происходило согласно народному желанію, отвѣчало дѣйствительнымъ народнымъ нуждамъ, вело ко благу и счастью населенія.

Оппозиція имѣла своимъ источникомъ недовольство „московскими порядками" и въ этомъ видѣ обнаружилась очень рано вмѣстѣ съ первыми шагами собирательной дѣятельности московскихъ князей.

V.

1. Новый московскій порядокъ и борьба его со старымъ. Побѣда Москвы надъ старымъ порядкомъ во время собиранія Руси.

Московскіе князья строили свое зданіе на развалинахъ стараго. Они несли съ собой новый порядокъ и ради него сносили старый. Понятно, тѣ, кому дорогъ былъ послѣдній, не могли относиться сочувственно къ разрушительной политикѣ московскихъ князей, и должны были вступить съ ними въ борьбу за старый порядокъ.

Новый порядокъ былъ провозглашенъ еще отдаленными предками московскихъ князей—ростовско-суздальскими князьями Андреемъ Боголюбскимъ и Всеволодомъ Большое Гнѣздо, и тогда же встрѣтилъ отпоръ со стороны стараго порядка. Испытавшіе на себѣ силу новаго порядка, родичи Боголюбскаго, которыхъ онъ выгналъ изъ ихъ городовъ, опредѣлили новыя отношенія Андрея къ князьямъ словомъ „подручничество", т. е. подданство. А лѣтописецъ назвалъ Андрея Боголюбскаго „самовластцемъ". Самовластіе Андрея заключалось въ отношеніи права старѣйшинства и пренебреженіи родственными отношеніями князей и игнорированіи народной власти, вѣча.

Позднѣе новый порядокъ получилъ болѣе точное опредѣленіе въ словахъ Ивана III, сказанныхъ новго-

родцамъ, спросившимъ его, какого онъ „государства“ хочетъ въ Новгородѣ.

„Государство наше таково: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать“.

Вотъ съ какимъ порядкомъ выступила Москва и притомъ она проводила свой порядокъ, не стѣсняясь мѣрами. Стоитъ только вспомнить всю дѣятельность Калиты или кровавыя сцены на улицахъ Новгорода въ царствованіе двухъ Ивановъ—III и IV. А выселенія массами народа изъ родныхъ мѣстъ?

Новый московскій порядокъ, такимъ образомъ, устранялъ двѣ старины—княжескую, отрицая за князьями всякія права, кромѣ права сильнаго, и требуя безусловнаго подчиненія себѣ, и старину земскую, отрицая вѣче, мѣстное самоуправленіе и всѣ мѣстныя особенности, элементы самостоятельности, несовмѣстимые съ московскимъ „самовластіемъ“.

На защиту первой старины, „пошлины“, выступили удѣльные князья и въ особенности тверскіе, съ которыми борьба тянулась цѣлое столѣтіе. На защиту второй „пошлины“ выступили древне-русскія вольныя общины Новгорода и Пскова.

Тверскіе князья въ противоположность московскимъ рисуются въ лѣтописи въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Извѣстный соперникъ Юрія тверской князь Михаилъ въ изображеніи лѣтописца оказывается борцомъ и мученикомъ за правду. Онъ „всегда Божіимъ пособіемъ одолѣвалъ противныхъ“, „съ дѣтства боголюбивъ; смиренъ зѣло“, „любилъ правду“ и „Богъ сподобилъ его единаго за многій родъ христіанскій пріять блаженную страсть“, умеръ (въ ордѣ) какъ святой мученикъ по заповѣди Господней—„больше сія любви никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други свои“.

Въ ордѣ тверскіе князья извѣстны подъ именемъ „крамольниковъ“, „ратныхъ хану“, т. е. непослушныхъ и неугодливыхъ хану. Намъ слѣдуетъ „другъ за друга и братъ за брата стоять, а татарамъ не выдавать“—говаривалъ князь Александръ Михайловичъ. А главное, тверскіе князья опирались всегда на право—хорошее или плохое, но право, дѣйствовавшее въ древней Руси, и требовали того же отъ своихъ противниковъ.

Но они опоздали съ своими древне-русскими доблестями и призывами къ старинѣ. Времена измѣнились. На смѣну старинѣ шла новизна, представителями которой были московскіе князья, вооруженные болѣе цѣнными—практическими доблестями, въ союзѣ съ татарами. И Тверь пала. Одни изъ ея князей должны были оставить предѣлы княжества, другіе нашли мученическую смерть въ ордѣ, а само княжество было присоединено къ московскимъ владѣніямъ въ 1485 году.

Въ лицѣ тверскихъ князей пала окончательно княжеская старина, а московская новизна восторжествовала.

Земская старина тоже вела долгую борьбу съ новымъ порядкомъ, пока существовало вѣче. Отголоски ея находимъ на страницахъ лѣтописи въ мѣстныхъ извѣстіяхъ. Эта борьба, сравнительно съ княжеской, мало замѣтна, глуха. Она становится болѣе замѣтной и ожесточенной въ заключительный моментъ, когда произошла рѣшительная схватка Москвы съ Новгородомъ и Псковомъ—главными оплотами земской „пошлины“.

Но единоборство произошло слишкомъ поздно, когда всѣ преимущества были на одной сторонѣ, на сторонѣ единодержавія. Москва выступила во всеоружіи новаго порядка и имѣла за собою „всю Русь“, а Новгородъ находился въ періодѣ разложенія стараго порядка и опирался на одни свои очень скромныя владѣнія. Въ остальной Руси народовластіе пало, голосъ

народнаго вѣча смолкъ, оно вездѣ уступило мѣсто единодержавію московскаго князя. Силы были неравны, и Москва опять одержала побѣду. Земская „пошлина“ пала, какъ и „княжеская“, исчезли до лучшихъ дней. Послѣ паденія обѣихъ „пошлинъ“ областную оппозицію можно было считать сломленной. Но сломленная въ области оппозиція подняла голову въ московскихъ предѣлахъ, возникла въ самомъ сердцѣ ихъ, въ Москвѣ. Эта оппозиція оказалась серьезнѣй, и борьба съ ней была труднѣй.

2. Зарожденіе недовольства въ московскомъ населеніи. Оппозиція въ церковной средѣ. Еретики и іосифляне. Попытки церкви къ захвату власти. Филаретъ и Никонъ.

Любопытно, что оппозиція, о которой у насъ будетъ сейчасъ рѣчь, вышла оттуда же, откуда шла самая сильная поддержка московскому дѣлу, т. е. изъ среды церкви и боярства. Благодаря тѣсной связи русскаго просвѣщенія съ церковью, критическая мысль всегда находила себѣ первое приложеніе въ религіозныхъ вопросахъ и облекалась въ „ересь“. Но еретики обыкновенно не ограничивались религіозной сферой и, вслѣдствіе тѣсной связи церкви съ государствомъ, они направляли свою критику и на послѣднее. Требуя свободы слова, критики по отношенію къ св. писанію, они въ то же время требовали отдѣленія церкви отъ государства.

Исходя изъ ученія, что священство выше царства, еретики ставили церковь надъ государствомъ, и къ числу обязанностей представителей церкви относили печалованіе о населеніи и откровенное заявленіе правды. Уже въ послѣднемъ требованіи заключалось зерно протеста, такъ какъ заявленіе правды всегда разсматривается какъ протестъ и ведетъ къ оппозиціи. А, кромѣ того, нѣкоторые изъ еретиковъ прямо заявили свое отрицательное отношеніе къ установленной власти.

Напримѣръ, по словамъ Ѳеодосія Косого,—„*всякія власти,* какъ государственныя, такъ и церковныя, не находятъ оправданія въ божественномъ писаніи и должны считаться *явленіями развращеннаго человѣческаго преданія*".

Еретики находили себѣ сочувствіе въ обществѣ, привлекали сторонниковъ, и первые оппозиціонеры изъ свѣтскаго общества оказываются не только единомышленниками еретиковъ, но и ихъ близкими друзьями, людьми одного круга. Напримѣръ, около извѣстнаго Максима Грека ютился цѣлый кружокъ политическихъ вольнодумцевъ, изъ которыхъ назовемъ хотя бы Берсеня.

Однако, опасность для государственной власти пришла не со стороны враговъ ея, а со стороны друзей. Еретики, относясь отрицательно къ государственной власти, естественно, не могли сами стремиться къ власти. Ихъ ученіе о превосходствѣ священства надъ царствомъ было идеальное ученіе, они оставляли себѣ область неземного, и потому ихъ дѣло не грозило непосредственной опасностью государству.

Тогда какъ ревнители о верховной власти московскихъ государей сильно тяготѣли къ земному, ради земныхъ своихъ интересовъ помогали государству и сами были одержимы властолюбивыми стремленіями. Поддерживая государственную власть, они требовали и для себя такой же поддержки. Когда же замѣтили, что государственная власть не оказываетъ имъ поддержки, то поднялись противъ нея. Размолвка вышла изъ-за преслѣдованія еретиковъ и по вопросу объ отобраніи церковныхъ имуществъ. При Иванѣ III церковь требовала самаго безпощаднаго истребленія еретиковъ. Между тѣмъ, еретики имѣли тайное сочувствіе при дворѣ великаго князя и противъ нихъ не принимали строгихъ мѣръ. Тогда извѣстный намъ Іосифъ Волоцкій, въ пылу ревности къ церковнымъ интересамъ, высту-

шилъ съ проповѣдью противъ верховной власти, которая въ корень подрывала ея авторитетъ. Іосифъ говорилъ: „Царь, надъ которымъ царствуютъ скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе и гнѣвъ, лукавство и неправда, гордость и ярость, злѣй же всего невѣріе и хула,— не божій слуга, но дьяволъ, и не царь, но мучитель. И, ты (обращеніе къ населенію), такого царя или князя не слушай, ибо къ нечестію и лукавству приводитъ тебя". Мысли—прямо революціонныя. Попытки отнять у церкви земельныя имущества подлили масла въ огонь и вызвали не менѣе, если не болѣе, энергичную отповѣдь Іосифа. „У похитителей церковнаго и монастырскаго имущества—говорилъ Іосифъ—Богъ не только власть отниметъ, но и душу возьметъ страшными, лютыми муками".

Буря, поднятая Іосифомъ, быстро улеглась, какъ только были приняты мѣры противъ еретиковъ и правительство отказалось отъ намѣренія отобрать церковныя имущества. Ради искорененія ереси и сохраненія за собой огромныхъ земельныхъ имуществъ, церковь согласилась, какъ мы знаемъ, на полное подчиненіе государственной власти. Но какъ только ереси были подавлены и миновала опасность лишенія земель, церковь подняла голову и вмѣсто подчиненія государству уже спѣшитъ занять съ нимъ равное мѣсто и даже претендуетъ на главенство.

Первая попытка духовенства захватить власть въ свои руки и пользоваться исключительнымъ вліяніемъ въ дѣлахъ государственнаго управленія относится къ царствованію Ивана IV, въ періодъ приближенія ко двору попа Сильвестра и Адашева. По крайней мѣрѣ самъ царь характеризуетъ это время, какъ время господства поповъ. Сильвестръ „всю данную намъ отъ прародителей власть отнялъ, всю власть во всей своей

волѣ имѣлъ, ни о чемъ насъ не спрашивалъ, какъ будто насъ нѣтъ, все строеніе и утвержденіе по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творилъ". „Мы (же)— скажу до обуща (обуви) и спанья—во всемъ не по своей волѣ были, но по ихъ хотѣнію творили; мы пребывали какъ младенцы". Но Иванъ IV, благодаря силѣ своего характера, сумѣлъ освободиться отъ власти духовенства и боярства и остальное время правилъ государствомъ, какъ неограниченный монархъ.

Преемникъ же его, слабоумный и слабохарактерный Ѳедоръ Ивановичъ, былъ инокомъ на престолѣ и подчинился всецѣло вліянію духовенства, а учрежденіемъ патріаршества открылъ духовенству путь къ теократіи. Получивъ патріарха, церковь оставляетъ подчиненную роль и выступаетъ въ дѣятельной роли соперника свѣтской власти. Высшіе іерархи церкви обнаружили явное намѣреніе стать выше государства, поставить свой авторитетъ надъ авторитетомъ государственной власти, подчинить его себѣ. На счастье церкви, въ XVII вѣкѣ патріаршій престолъ занимали два умныхъ и сильныхъ характеромъ человѣка—Филаретъ и Никонъ. Участіе этихъ высшихъ представителей церкви въ государственныхъ дѣлахъ выражалось не въ простыхъ совѣтахъ и печалованіяхъ передъ царемъ, а въ дѣйствительномъ соучастіи ихъ въ управленіи. Патріархъ, наравнѣ съ царемъ, называется „государемъ", и всѣ акты совершаются отъ имени обоихъ государей. „И приговорилъ государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Руси... и великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ"... И населеніе обращается со своими нуждами къ обоимъ государямъ. „Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси и великому государю святѣйшему патріарху Никону московскому и всея Руси бьютъ челомъ сироты твои государевы"... По образному выраженію Никона, царь и патріархъ представляли изъ

себя „богоизбранную и богомудрую двоицу“ и, по словамъ одного акта XVII вѣка, „ихъ государское величество нераздѣльно“. Доказательствомъ ихъ полнаго равноправія и дѣйствительнаго правленія патріарха служитъ то, что, напримѣръ, Никонъ въ отсутствіе царя Алексѣя одинъ управлялъ государствомъ, и всѣ акты совершались отъ имени одного „великаго государя святѣйшаго патріарха“.

Патріархъ имѣлъ свой дворъ, свой приказъ, свою администрацію, свое войско, которымъ располагалъ по своему усмотрѣнію и которымъ не могъ распоряжаться царь безъ согласія патріарха. Но патріарху этого было мало—онъ захотѣлъ стать выше свѣтской власти. Никонъ, по крайней мѣрѣ, открыто заявилъ о такомъ намѣреніи при своемъ вступленіи на патріаршій престолъ. Онъ долго не соглашался принять патріаршество, отклонилъ всѣ просьбы и депутаціи. Наконецъ, внялъ мольбамъ и слезамъ колѣнопреклоненныхъ царя и всего народа со слезами на глазахъ, но съ условіемъ: „Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ патріархомъ— сказалъ онъ,—дайте мнѣ слово и произнесите обѣтъ въ этой соборной церкви предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ и его Пречистой Матерью, ангелами и всѣми святыми, что будете содержать евангельскіе догматы и соблюдать правила св. апостоловъ и св. отцовъ и законы благочестивыхъ царей. Если обѣщаетесь слушаться и меня, какъ вашего главнаго архипастыря и отца во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ, тогда я, по вашему желанію и прошенію, не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства“. И царь, всѣ бояре и освященный соборъ (соборъ духовенства) поклялись Никону. Уже одинъ фактъ клятвы царя будущему патріарху унижалъ царскую власть, а, кромѣ того, клятва касалась не только церковныхъ дѣлъ, но и свѣтскихъ. Вполнѣ поэтому можно согласиться съ мнѣніемъ од-

ного ученаго, что 22 іюля 1652 года (избраніе Никона) произошло ограниченіе царской власти.

Исходя изъ извѣстнаго ученія—„священство выше царства“ и опираясь на данное ему, какъ преемнику апостоловъ, право рѣшить и вязать на землѣ, патріархъ сталъ судьей свѣтской власти. Исторія распри царя Алексѣя съ Никономъ представляетъ намъ патріарха въ роли жестокаго судьи поступковъ царя и обнаруживаетъ несомнѣнное намѣреніе патріарха стать выше царя. Извѣстно, что Никонъ даже грозилъ царю Алексѣю „отчитать его отъ православія“ за то, что въ немъ, по его мнѣнію, „мало христіанства“. Никонъ до того поработилъ царя, что тотъ даже послѣ ухода патріарха съ каѳедры чувствовалъ на себѣ его власть. Во время суда надъ Никономъ Алексѣй Михайловичъ держалъ себя не какъ обвинитель, а скорѣе какъ виноватый. Возможно, что въ данномъ случаѣ острота борьбы объясняется характерами дѣйствующихъ лицъ—но отчасти. Во всякомъ случаѣ властолюбивыя притязанія патріарха, независимо отъ личности, несомнѣнны. Ими были одержимы и Филаретъ, и Никонъ, и преемники послѣдняго, и Россіи грозило установленіе теократіи.

Къ счастію, Петръ I уничтоженіемъ патріаршества и другими мѣрами разомъ пресѣкъ властолюбивыя поползновенія церкви и спасъ Россію отъ одного изъ величайшихъ золъ, когда-либо грозившихъ ей.

3. Оппозиція въ боярской средѣ. Борьба съ боярствомъ Ивана IV при помощи опричнины. Крѣпостной порядокъ и всеобщее недовольство, разрѣшающееся смутнымъ временемъ.

Мы уже говорили о связи религіознаго вольнодумства съ политическимъ. Но политическая оппозиція московскимъ государямъ потому и связывалась съ религіозной, что находила готовую почву въ соціально-политическомъ недовольствѣ высшихъ и низ-

шихъ классовъ населенія. И проявленіе ея мы наблюдаемъ гораздо раньше появленія ересей, еще въ эпоху собиранья.

Вполнѣ опредѣленныхъ указаній на оппозицію въ это время мы, правда, не найдемъ, не найдемъ партій, организацій и т. п. Но фактъ несомнѣннаго недовольства московскими порядками, даже борьбу мы найдемъ. Недовольство обыкновенно связывается съ замѣщеніемъ должности тысяцкаго.

Первый разъ это было при Семенѣ Гордомъ, когда неизвѣстно кѣмъ былъ убитъ бояринъ Хвостъ, во второй разъ при Дм. Ивановичѣ Донскомъ, когда былъ всенародно казненъ бояринъ Всеволожскій. Оба случая сопровождались мятежомъ, отъѣздомъ бояръ и выраженіемъ сочувствія со стороны населенія. Во время казни Всеволожскаго, по словамъ лѣтописца, „многіе прослезились о немъ и опечалились о благородствѣ его и величествѣ его".

Замѣщеніе должности тысяцкаго было только частнымъ поводомъ недовольства; причины же его коренились глубже, въ недовольствѣ вообще установившимися въ московскомъ государствѣ порядками—въ несбывшихся надеждахъ боярства. Переходя на службу въ Москву, многіе даже добровольно привлекаемые богатствомъ московскаго двора удѣльные князья и бояре расчитывали сохранить свои политическія права и управлять государствомъ вмѣстѣ съ московскими государями. Удѣльные князья думали остаться навсегда такими же владѣтельными князьями, какими они были до сихъ поръ, остаться въ удѣлахъ государями для населенія, а бояре и дворяне свободными—служилыми людьми, договорными дружинниками. Въ Москву они принесли южно-русскія традиціи, заключавшіяся въ свободныхъ равноправныхъ отношеніяхъ и въ правѣ соучастія въ управленіи, и хотѣли ихъ сохранить за собой. Въ началѣ, какъ мы знаемъ, такъ и было.

Удѣльные князья послѣ присоединенія удѣловъ оставались въ своихъ удѣлахъ дѣйствительно государями. Служилые люди тоже сохранили право добровольной службы и договорныя отношенія. Южно-русскій принципъ „боярамъ и слугамъ вольнымъ-воля" продолжалъ господствовать, договорное право было въ силѣ.

Московскіе государи поддерживали древне-русскій обычай потому, что это было имъ выгодно и до тѣхъ поръ, пока было выгодно. Право отъѣзда со службы служилаго человѣка и право населенія, свободнаго передвиженія и выбора занятій было безусловно выгодно и необходимо московскимъ государямъ, когда они собирали Русь, когда московское княжество для расширенія и обогащенія нуждалось въ постоянномъ притокѣ новыхъ силъ, когда происходила колонизація, разработка края и нужно было оборудовать управленіе. Но эти права населенія имѣли свою обратную сторону. При существованіи права отъѣзда и вообще свободнаго передвиженія, населеніе московскаго государства могло также легко разрѣжаться, уходить, какъ и приходить, и тѣмъ самымъ ослаблять его силы. Это было тѣмъ болѣе опасно, что не всѣ еще удѣлы были присоединены къ Москвѣ, слѣдовательно, населеніе имѣло выборъ мѣста и, кромѣ того, сосѣднее литовское государство тоже эксплоатировало въ свою пользу право свободнаго передвиженія населенія. Поэтому московскіе государи съ нѣкотораго времени стали ограничивать право отъѣзда служилыхъ людей и включать въ договорныя отношенія стѣснительныя условія. Мало-по-малу исконное право служилыхъ людей отъѣзжать отнимается, и отъѣздъ начинаетъ разсматриваться, какъ измѣна, и вольныя отношенія дѣлаются невольными, служба изъ добровольной обращается въ обязательную, „неотступную", политическую свободу замѣняетъ политическое подданство. Для закрѣпленія служебныхъ отношеній и окончательнаго порабощенія служилаго

сословія московскіе государи соединили службу съ землевладѣніемъ. Они стали надѣлять служилыхъ людей землей (помѣстьями), требуя отъ нихъ за это обязательной, безвыходной службы. А потомъ такой же обязательной службы стали требовать и съ владѣльцевъ вотчинъ, такъ что, въ концѣ концовъ, и „помѣщики" и „вотчинники" слились въ одинъ классъ служилыхъ людей, обязанныхъ „неотступной службой" государству. Понятно, такое превращеніе не могло быть по вкусу служилому классу, въ особенности титулованному боярству изъ удѣльныхъ князей. Боярство упорно стояло на правѣ отъѣзда, продолжало отъѣзжать и открыто выражало свое недовольство новыми порядками, еще Берсень негодовалъ, что въ Москвѣ переставились порядки, что государь рѣшаетъ всѣ дѣла, запершись у себя самъ-третей у постели. А Курбскій, подвергая жестокой критикѣ образъ дѣйствій царя Ивана IV, указывалъ при этомъ и на желательный съ его точки зрѣнія выходъ. „Царь, аще и почтенъ царствомъ—говорилъ Курбскій,—а дарованій, которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у *всенародныхъ человѣкъ*", т. е. царь долженъ управлять при содѣйствіи *Земскаго Собора*.

Тогда московскіе князья стали употреблять противъ недовольныхъ чрезвычайныя мѣры. Чтобы предупредить отъѣздъ за границу, они стали съ подозрительныхъ бояръ брать поручныя записи съ огромной неустойкой поручителей. Напримѣръ, поручители князя Серебрянаго, въ случаѣ его отъѣзда, должны были уплатить до 1½ мил. рублей на наши деньги.

Изъ другихъ мѣръ практиковалось заточеніе въ монастырь и казнь, какъ это было сдѣлано съ Вассіаномъ и Берсенемъ.

До Ивана IV эти мѣры носили болѣе или менѣе частный, случайный характеръ. Съ Ивана IV онѣ об-

ращаются въ систематическую борьбу съ боярствомъ и массовое истребленіе бояръ.

Грозный царь выдвинулъ противъ недовольныхъ новое и страшное орудіе борьбы—опричнину. Онъ раздѣлилъ государство на двѣ части—земщину и опричнину. Опричнину составили довѣренные люди царя, при помощи которыхъ онъ сталъ выводить измѣну изъ земли Русской. Земля, земщина была оставлена при своемъ собственномъ управленіи, ей былъ данъ даже особый царь изъ крещеныхъ татаръ—Семенъ Бекбутовичъ, но надъ ней теперь стала, какъ высшая инстанція, опричнина съ царемъ во главѣ. Для содержанія опричнины были отписаны цѣлые города и волости изъ земщины. При этомъ огромныя владѣнія самыхъ вліятельныхъ боярскихъ фамилій были конфискованы въ пользу опричнины, а владѣльцамъ было предложено или войти въ опричнину или переселиться въ другія, болѣе отдаленныя мѣста, гдѣ имъ была отведена земля. Не пожелавшіе ни того, ни другого и желавшіе сохранить прежнее положеніе, сложили свои буйныя головы на плахѣ. Такимъ образомъ, князья-бояре частію были оторваны отъ насиженныхъ мѣстъ, частію казнены и, при помощи опричнины, въ нѣсколько лѣтъ исчезло вліятельное титулованное боярство, и оппозиція была сломлена подъ корень. Кромѣ опричниковъ, вытѣсненію боярства изъ вліятельнаго положенія при дворѣ много способствовало приближеніе Иваномъ IV „приказныхъ“ людей—ядра будущей бюрократіи—дьяковъ, о которыхъ такъ нелестно отзывался кн. Курбскій и про которыхъ отъѣхавшій изъ Москвы стрѣлецкій голова Тетеринъ сказалъ дерптскому намѣстнику Морозову. Отцы ихъ „вашимъ отцамъ въ холопы не годились, а теперь не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ“...

Политическую судьбу служилаго класса раздѣлила и остальная часть населенія, крестьяне тоже по-

степенно утратили право свободнаго перехода и были прикрѣплены къ помѣщикамъ, которымъ были обязаны вѣчной безвыходной службой. Служба эта, необходимая для помѣщиковъ для исправнаго отбыванія ими государственной службы, въ свою очередь разсматривалась, какъ повинность въ пользу государства. Наконецъ, и торгово-промышленные люди были привлечены къ службѣ государству, на нихъ тоже положено свое тягло, своя повинность, которую и они должны были нести вѣчно, безвыходно. Отъ повинности нельзя было избавиться выходомъ изъ сословія, такъ какъ выходъ, свободный выборъ занятій, былъ воспрещенъ. Такое положеніе вещей вполнѣ создалось въ половинѣ XVII вѣка, когда оно получило законодательную санкцію въ уложеніи царя Алексѣя, но тяжесть его стала чувствоваться гораздо раньше. Въ основѣ новаго порядка лежалъ крѣпостной принципъ, закрѣпленіе всѣхъ до сихъ поръ свободныхъ сословій на вѣчной обязательной службѣ государству. Молодое московское государство, угрожаемое серьезною постоянною опасностью извнѣ и не располагавшее достаточными собственными средствами для обороны страны (регулярной арміей) и управленія (бюрократіей), естественно возложило обѣ обузы внѣшней и внутренней политики на само населеніе въ формѣ повинности, т. е. не активной, а пассивной.

Понятно, населеніе не могло остаться равнодушнымъ къ перемѣнѣ въ невыгодную сторону въ его положеніи, быстро забыть объ утраченной свободѣ, тѣмъ болѣе, что новый порядокъ ложился на него страшнымъ бременемъ, истощалъ его силы, разорялъ.

Недовольство высшаго слоя—боярства намъ извѣстно. Средній и низшій слои тоже были недовольны существующимъ порядкомъ, но они обратили свое недовольство не на представителя верховной власти, а на окружавшую его „раду“—боярство, и предпочли

вначалѣ пассивный протестъ активному. Эти классы (посадскіе и крестьяне) были настроены, такъ сказать, монархически и вполнѣ довѣряли представителю верховной власти. Если они и возставали когда противъ послѣднихъ, то только противъ царей, выставленныхъ боярской партіей, какъ это было при низложеніи Василія Шуйскаго или при убійствѣ дѣтей Годунова. Они вообще настолько привязаны къ данной формѣ верховной власти, что въ критическія минуты выходъ изъ тяжелаго положенія всегда подсказывался имъ въ видѣ избранія царя. Недовольный народъ всегда собирался подъ знамя царя—настоящаго или ложнаго, почему и имѣли такой успѣхъ на Руси лже-цари, самозванцы. Преданность народа царю хорошо выразилась въ извѣстныхъ пѣсняхъ о Грозномъ царѣ, гдѣ воспѣвается и прославляется удаль Ивана Васильевича и его ратные подвиги не только подъ Казанью, но и на площади Москвы. Есть, кромѣ того, любопытная сказка „о Горшенѣ", въ которой Грозный представленъ защитникомъ и отцомъ народа.

Псковскій бунтъ, во время котораго народъ кричалъ: „царь о насъ не радѣетъ"—составляетъ скорѣе исключеніе. Обыкновенно же народъ видѣлъ виновниковъ своего тяжелаго положенія въ боярахъ, высшемъ классѣ и противъ него, дѣйствительно, поднималъ иногда открытое возстаніе, требовалъ казни временщиковъ, или самъ расправлялся съ виновными. Многіе изъ недовольныхъ, предпочитая пассивный протестъ, уклонялись отъ всякихъ службъ, или бѣжали за предѣлы государства.

Народъ, конечно, стоя далеко отъ власти и участвуя въ управленіи пассивно, тягломъ, плохо понималъ настоящее положеніе вещей, плохо различалъ виновниковъ. Но въ настоящемъ случаѣ это не важно. Для насъ важно отмѣтить самый фактъ всеообщаго недовольства существующимъ порядкомъ. На рубежѣ

XVI и XVII вѣковъ это всеобщее недовольство разрѣшилось страшной соціально-политической революціей, имѣвшей огромныя послѣдствія для русскаго государства.

VI.

1. Вліяніе смутнаго времени на судьбы верховной власти. Возобновленіе идеи народовластія и попытки ограниченія верховной власти. Государственные успѣхи въ связи со смутой. Юридическое опредѣленіе верховной власти московскихъ государей въ XVII вѣкѣ.

„Великая разруха московскаго государства", какъ называли современники смутное время, произвела глубокія измѣненія въ народномъ самосознаніи и въ политической жизни страны. Вслѣдствіе пресѣченія династіи Рюриковичей, верховная власть вернулась къ своему первоисточнику—народу, и народъ въ силу обстоятельствъ сдѣлался носителемъ верховной власти и единственнымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Однако, народъ не воспользовался самъ предоставленной ему обстоятельствами властью, а передалъ ее своему избраннику. И такъ какъ это повторялось нѣсколько разъ и народу нѣсколько разъ приходилось получать и передавать верховную власть, то верховная власть сдѣлалась избирательной, и общественное мнѣніе XVII вѣка признало за народомъ неотъемлемое право располагать по своему усмотрѣнію престоломъ—не только избирать царей, но и низлагать ихъ. Эту мысль очень хорошо выразилъ царь Василій Шуйскій, сказавъ ворвавшейся къ нему во дворецъ съ шумомъ толпѣ: „Если вы хотите убить меня, я готовъ умереть. Если же хотите лишить меня царства, то не можете этого сдѣлать, прежде чѣмъ не сойдутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди и я съ ними", т. е. земскій соборъ. „И какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и я готовъ сдѣлать по тому совѣту". Такимъ обра-

зомъ, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ воскресла древне-русская идея народовластія. Собственно между избирательнымъ земскимъ соборомъ XVII вѣка и вѣчемъ X—XII вв., какъ и между княжескимъ договоромъ съ вѣчемъ и „записью“ московскаго царя, нѣтъ прямого преемства, но косвенное, идейное несомнѣнно есть. И въ этомъ смыслѣ о политическихъ новизнахъ XVII вѣка можно сказать, что въ нихъ слышится старина.

Итакъ, верховная власть стала избирательной, и цѣлый рядъ царей получилъ власть изъ рукъ народа— Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, Михаилъ Өедоровичъ Романовъ, Алексѣй Михайловичъ, и съ согласія (молчаливаго) народа установилось совмѣстное царствованіе Петра и Ивана Алексѣевичей, продолжавшееся до смерти Ивана.

Не воспользовавшись лично, самъ верховной властью, народъ тѣмъ не менѣе воспользовался верховнымъ правомъ распоряженія властью, чтобы осуществить при помощи ея свои интересы. Избирая царей, онъ ставитъ имъ извѣстныя условія, на которыхъ они должны управлять страной. Такимъ образомъ, возникло ограниченіе верховной власти, формулированное въ такъ называемыхъ „записяхъ“.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ первымъ царемъ, который вступилъ на престолъ на условіяхъ, былъ Борисъ Годуновъ. Безспорно же ограничена была власть при избраніи въ цари Василія Шуйскаго. Данныя имъ при вступленіи на престолъ обязательства (занесенныя въ „записи“) сводились къ слѣдующему: 1) никого не казнить, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами, 2) не распространять вины преступника на его родственниковъ и не конфисковать ихъ имущества, если они не участвовали въ преступленіи, 3) не слушать доносчиковъ и ложныхъ доносчиковъ наказывать, 4) всѣ дѣла рѣшать по суду и слѣдствію. Запись, данная Шуй-

скимъ, поражаетъ своей односторонностью и скудостью, какъ политическій актъ, имѣвшій въ виду ограниченіе самодержавной власти. Она устанавливаетъ лишь элементарныя гражданскія права—личную и имущественную неприкосновенность и отвѣтственность лишь по суду—оставляя безъ вниманія и не опредѣляя положеніе высшихъ государственныхъ учрежденій, дѣйствующихъ рядомъ съ царемъ. Такой существенный пробѣлъ въ „записи" историки объясняютъ происхожденіемъ „записи". Она вышла изъ среды боярства, а боярство, испытавшее страшный разгромъ при Иванѣ IV, всего болѣе нуждалось въ личныхъ гарантіяхъ. И, стоя ближе другихъ классовъ къ власти, оно первое воспользовалось смутой, чтобы провести своего кандидата на престолъ и ограничить его власть въ своихъ интересахъ.

Вторымъ воспользовалось смутой и тоже въ интересахъ своего класса, понятыхъ, однако, несравненно шире, служилое сословіе, дворянство. Оно начертало свою програму въ договорѣ 1610 года съ польскимъ королевичемъ Владиславомъ, который намѣчался въ цари.

Договоръ прежде всего повторяетъ всѣ личныя и имущественныя гарантіи „записи" Шуйскаго, затѣмъ гарантируетъ неприкосновенность православной вѣры, предоставляетъ право свободнаго выѣзда въ иностранныя христіанскія государства и обѣщаетъ возвышать всѣхъ по заслугамъ, а не по происхожденію. Такова первая часть договора, ограждающая личныя права. Вторая—опредѣляетъ организацію верховной власти и всего управленія.

Верховная власть принадлежитъ царю вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ и боярской думой. Въ частности земскому собору принадлежитъ учредительный авторитетъ—онъ, въ составѣ выборныхъ всей земли, устанавливаетъ вмѣстѣ съ царемъ новые основные законы

и измѣняетъ старые. Боярская дума вѣдаетъ текущее законодательство и, въ качествѣ высшаго судебнаго учрежденія, рѣшаетъ важнѣйшія судебныя дѣла—политическія, о спорныхъ наслѣдствахъ и т. д. Безъ участія этихъ двухъ учрежденій—земскаго собора и боярской думы—царь не можетъ ничего дѣлать.

Кандидатура Владислава провалилась и договоръ, заключенный съ нимъ, не вошелъ въ жизнь, остался лишь письменнымъ документомъ дворянскихъ желаній. Но, не добившись осуществленія своихъ желаній въ настоящій моментъ, дворянство добилось этого послѣ и въ прочной формѣ, когда былъ избранъ въ цари Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ.

Относительно ограниченія власти перваго царя изъ дома Романовыхъ ученые расходятся—нѣкоторые совсѣмъ отрицаютъ фактъ ограниченія на томъ основаніи, что до насъ не дошла ограничительная „запись". „Запись", правда, не дошла, но, во-первыхъ, мы имѣемъ до 7 русскихъ и иностранныхъ свидѣтельствъ объ ограниченіи власти, послѣ которыхъ трудно сомнѣваться въ самомъ фактѣ, и, во-вторыхъ, ограниченіе подтверждается первыми годами царствованія Михаила.

Наиболѣе обстоятельный разсказъ объ ограниченіи власти Михаила принадлежитъ иностранцу Фокеродту, который представляетъ дѣло такъ.

„Вельможи составили изъ себя родъ сената, который они назвали соборомъ и въ которомъ засѣдали и имѣли голосъ не только бояре, но также и всѣ другія лица, занимавшія высокія государственныя должности. Они приняли единодушное рѣшеніе—не выбирать въ цари никого, кто не обѣщаетъ имъ клятвенно: предоставить полный ходъ правосудію по старымъ законамъ страны; никого не судить и не осуждать высочайшей властью; безъ согласія собора не вводить никакихъ новыхъ законовъ, не отягщать подданныхъ новыми налогами и не принимать самомалѣйшихъ рѣ-

шеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ. Чтобы крѣпче связать новаго царя этими условіями, они рѣшили не избирать своимъ властелиномъ никого, кто принадлежалъ бы къ вліятельной фамиліи и имѣлъ бы много приверженцевъ, помощью которыхъ могъ бы нарушить предписанные ему законы и вернуть себѣ снова верховную власть... Царь Михаилъ подписалъ эти условія безъ колебаній, и въ теченіе нѣкотораго времени правленіе велось предписаннымъ образомъ".

Говоря кратко, новый царь обязывался безъ согласія собора—не издавать новыхъ законовъ, не вводить новыхъ налоговъ, не объявлять войны и не заключать мира, т. е. ограничивался въ рѣшеніи самыхъ существенныхъ государственныхъ вопросовъ. И въ первые годы царствованія Михаила, дѣйствительно, рядомъ съ царемъ стоялъ земскій соборъ въ качествѣ постоянно дѣйствующаго учрежденія, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ важнѣйшихъ и „самомалѣйшихъ" дѣлахъ страны, и царь ничего не предпринималъ безъ совѣта съ землей.

Однако, ограниченія верховной власти, достигнутыя населеніемъ, оказались не прочными. Идея народовластья, вспыхнувъ на короткое время, погасла опять, и пріобрѣтенія, сдѣланныя народомъ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какъ это нерѣдко бываетъ, оказались недолговѣчными.

Земскіе соборы уже при Михаилѣ изъ постоянно дѣйствующихъ учрежденій обращаются въ учрежденія чрезвычайныя, созываемыя въ экстренныхъ случаяхъ, и многіе вопросы, которые должны бы, согласно записи, рѣшаться по совѣту съ землей, рѣшаются безъ совѣта. Въ слѣдующее царствованіе соборы созываются еще рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекращаютъ свое существованіе.

Царь Алексѣй, хотя и былъ выбранъ (собственно былъ лишь молчаливо признанъ народомъ), однако,

„письма (по словамъ Котошихина)—на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали“, т. е. не далъ ограничительной записи. И потому правилъ государствомъ „по своей волѣ“—„что хочетъ, то учинити можетъ... и всякія великія и малыя дѣла своего государства учиняетъ по своей мысли, а съ бояры и съ думными людьми спрашивается о томъ мало“. Словомъ, былъ неограниченнымъ монархомъ—„наивысше пишется самодержцемъ“.

„Возвращеніе себѣ снова верховной власти“ царемъ (выражаясь словами Фокерадта) произошло во второй половинѣ XVII вѣка. Къ этому времени наиболѣе тяжелые слѣды смуты исчезли, власть окрѣпла, навербовала себѣ достаточный кадръ приказныхъ людей (чиновниковъ) и могла обходиться безъ содѣйствія населенія и, естественно, царь пересталъ созывать земскіе соборы—за ненадобностью ихъ съ его точки зрѣнія. Тѣмъ болѣе само населеніе не обнаружило желанія оставить за собой право участія въ государственныхъ дѣлахъ, лучше сказать, не стало настаивать на немъ. Вотъ почему прежде всего исчезъ органъ народовластія, а съ нимъ и добытыя ограниченія верховной власти въ пользу населенія. Но почему же населеніе не удержало добытаго такой дорогой цѣной, какъ смута? Потому, что оно не имѣло для этого подъ собой почвы (ни силъ, ни простого желанія). Ограниченія вышли изъ оппозиціи правительству во время самаго сильнаго разгара ея, т. е. въ смутное время. Оппозиція же только тогда сильна и можетъ расчитывать на успѣхъ, когда сплочена. Въ смутное же время всѣ были противъ всѣхъ. Каждый классъ населенія хотѣлъ осуществить свои интересы, не думая о другихъ, даже враждуя другъ съ другомъ до истребленія противниковъ. Разобщенные и враждебные другъ другу классы населенія соединились только въ виду внѣшней опасности, изъ боязни иноземнаго и

иновѣрнаго владычества. На время сословные счеты были забыты, и населеніе, объединенное однимъ желаніемъ, вышло изъ смуты, избравъ себѣ новаго царя. Объединеніе продолжалось и послѣ этого момента, пока государство не оправилось отъ пережитыхъ потрясеній, но потомъ сословные интересы взяли верхъ надъ общими, и руководящая роль перешла опять къ царю, а населеніе стало въ сторонѣ, осталось при своемъ тяглѣ. Нѣкоторое вліяніе на дѣла осталось лишь за служилымъ сословіемъ—дворянствомъ. Оно играло видную роль во время смуты, можно сказать, оно, какъ партія порядка, вывело государство изъ смуты. Дворянство участвовало въ обоихъ ополченіяхъ, созвало избирательный соборъ, провело своего кандидата на престолъ и, составляя главное ядро земскихъ соборовъ, болѣе всѣхъ сдѣлало для устроенія земли. Но оно дѣйствовало во имя порядка, для возстановленія его выговорило себѣ участіе въ государственныхъ дѣлахъ и, когда порядокъ былъ возстановленъ, оно уступило волѣ правительства, не стало сохранять за собой права участія въ политикѣ, ушло безъ борьбы отъ власти. Къ власти же самой по себѣ у него, по словамъ Милюкова, не было „ни вкуса ни потребности". Оно въ это время уже начинало пріобрѣтать то положеніе, которое создалось для дворянства въ XVIII вѣкѣ. Уже въ это время между нимъ и верховной властью образовывался тѣсный союзъ—дворъ начиналъ ласкать дворянство, а оно служить опорой престола. Дѣйствовать же въ интересахъ всего населенія дворянству не позволяла рознь его съ другими сословіями.

Рознь сословій въ конечномъ итогѣ и должна быть признана коренной причиной неудачи ограниченій верховной власти. На розни сословій очень ловко сыгралъ царь Иванъ IV, ее же эксплоатировалъ и Алексѣй Михайловичъ, приготовивъ сыну удобную

почву для самодержавно-бюрократическаго режима, существующаго и понынѣ.

Въ то же время исключительное положеніе, созданное смутой, послужило для народа хорошей школой, въ которой, такъ сказать, расширилось и углубилось его политическое міросозерцаніе.

„Видя страданія и гибель всей земли, наблюдая быструю смѣну старыхъ политическихъ порядковъ подъ рукою и своихъ и чужихъ распорядителей, привыкая къ самодѣятельности мѣстныхъ міровъ и всей земщины, лишенный руководства изъ центра государства, русскій человѣкъ усвоилъ себѣ новыя чувства и понятія: въ обществѣ крѣпло чувство національнаго и религіознаго единства, слагалось болѣе отчетливое представленіе о государствѣ. Въ XVI вѣкѣ оно еще не мыслилось, какъ форма народнаго общежитія, оно казалось вотчиной государевой, а въ XVII вѣкѣ, по представленію московскихъ людей, это уже „земля", т. е. государство. Общая польза, понятіе не совсѣмъ свойственное XVI вѣку, теперь у всѣхъ русскихъ людей сознательно стоитъ на первомъ планѣ: своеобразнымъ языкомъ выражаютъ они это, когда въ безгосударственное время заботятся о спасеніи государства и думаютъ о томъ, „что земскому дѣлу пригодится" и „какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе". (Платоновъ).

Практически эти государственные успѣхи выразились въ положеніи верховной власти и организаціи управленія, болѣе согласныхъ съ государственными требованіями сравнительно съ XVI вѣкомъ. Прежде всего теперь установилось полное единодержавіе; теперь уже не было удѣловъ—и пали окончательно верховныя права князей-бояръ, истребленныхъ опричниной и смутой, и власть московскаго государя нигдѣ не встрѣчала изъятій, распространялась на всю территорію государства, не только покрывала частныя вер-

ховныя права (какъ въ XV и XVI вѣкахъ), но и исключала ихъ.

Управленіе въ центрѣ изъ личнаго порученія государя окончательно обратилось въ учрежденія съ коллегіальнымъ составомъ и болѣе или менѣе точно опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ („приказы"). Мѣстное управленіе отъ системы кормленія перешло къ приказному (казенному управленію и отчасти самоуправленію). Всюду кормленщиковъ замѣнили воеводы. Наконецъ, явилось законодательство, обнимавшее многія стороны государственной жизни, а не одну только судебную, какъ было до сихъ поръ.

Попробуемъ дать юридическое опредѣленіе верховной власти московскихъ государей въ XVII вѣкѣ.

Объемъ и существо ихъ власти нашло себѣ полное выраженіе въ ихъ титулѣ, который въ XVII вѣкѣ писался такимъ образомъ:

„Божіею милостію отъ Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Московскаго, Кіевскаго, Владимирскаго, Новгородскаго, Царя Казанскаго, Царя Астраханскаго, Царя Сибирскаго, Государя Псковскаго и Великаго князя Литовскаго, Смоленскаго, Тверского, Волынскаго, Подольскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятскаго, Болгарскаго и иныхъ, Государя и Великаго князя Новгорода, Низовскія земли, Черниговскаго, Рязанскаго, Полоцкаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Бѣлоозерскаго, Угорскаго, Обдорскаго, Кандинскаго, Витебскаго, Метколовскаго и всея сѣверныя страны, Повелителя и Государя Иверскія земли, Картолинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и Обладателя"...

Первыя два слова титула указываютъ источникъ власти, т. е. ея богоустановленность. Слѣдующія за ними опредѣляютъ существо власти и, наконецъ, весь длинный перечень земель, подвластныхъ московскому государю, опредѣляетъ пространство его власти, территорію, на которую она простиралась.

Изъ первыхъ двухъ частей титула вытекали всѣ права и преимущества московскихъ государей.

„Московскій государь, прежде всего, не подлежалъ дѣйствію ни общихъ ни специальныхъ законовъ, дѣйствующихъ на протяженіи территоріи московскаго государства: личная воля его стояла выше всякихъ человѣческихъ законовъ“, т. е. онъ неограниченъ. Онъ „никому не обязанъ давать отчета въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ своихъ“, т. е. онъ безотвѣтственъ.

„Московскій государь единственный источникъ всякаго рода власти, дѣйствующей въ предѣлахъ его государства“. „Московскій государь есть глава законодательной власти“, „глава исполнительной власти“ и „глава судебной власти“. Другими словами, онъ самодержавный монархъ. Ему же, какъ царствующему Божіею милостью и творящему на землѣ „волю пославшаго“ „принадлежитъ церковное главенство“.

„Священная особа московскаго государя пользуется полною неприкосновенностью и правомъ на высочайшую степень уваженія и почета“.

Внѣшнимъ выраженіемъ высокаго положенія московскихъ государей и силы ихъ власти, кромѣ приведеннаго уже нами титула, служили царственныя регаліи (шапка и бармы Мономаха, скипетръ, держава, кромѣ животворящаго древа, золотая царская цѣпь и чаша кесаря Августа, изъ которой государи помазывались на царство елеемъ), гербъ и государственная печать.

Занятіе престола, обыкновенно, происходило по наслѣдству отъ отца къ сыну въ моментъ смерти цар-

ствующаго государя. Въ исключительныхъ случаяхъ престолъ занимался по волѣ народа, т. е. народнымъ избраніемъ на царство. За восшествіемъ на престолъ слѣдовало вѣнчаніе на царство и помазаніе елеемъ.

Въ моментъ смерти царя бояре и другіе высшіе государственные чины присягали въ вѣрности новому царю, обыкновенно въ присутствіи высшаго іерарха церкви. Послѣ присяги высшихъ чиновъ приводились къ присягѣ низшіе служилые чины и все населеніе столицы.

Затѣмъ разсылались по всѣмъ городамъ „добрые дворяне" для приведенія къ присягѣ остального населенія. По случаю восшествія на престолъ царя во всѣхъ городахъ служились молебны въ теченіе трехъ дней.

О восшествіи на престолъ новаго царя населеніе московскаго государства извѣщалось, такъ называемыми, „окружными грамотами", къ которымъ прилагался и текстъ присяги—„подкрестная запись". Въ „записи" присягающій обязывался государю „служить, прямить и добра хотѣть во всемъ безо всякія хитрости", „не искать и не желать себѣ иного государя", „не щадить головы своей въ службѣ царской", „не отъѣзжать изъ подданства царю, не измѣнять ему нѣкоторыми дѣлами и нѣкоторою хитростью", „не сообщаться съ царскими измѣнниками и къ воровству ни къ которому не пристать", „оберегать здоровье государя, никакого лиха не мыслить на него, доносить объ измѣнникахъ, задерживать ихъ, ничего не дѣлать „самовольствомъ" безъ государева указа, „скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходить и никого не грабить и не побивать и никакого дурна никому не чинить".

Присягу приносило только населеніе, царь же это дѣлалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда избирался народомъ на извѣстныхъ условіяхъ, въ соблюденіи которыхъ и клялся народу.

———

Однако, несмотря на такіе очевидные государственные успѣхи верховной власти въ XVII вѣкѣ, удѣльныя понятія, удѣльная традиція не потеряли окончательно своей силы. Слѣды ихъ мы находимъ и въ XVII вѣкѣ.

Въ оффиціальныхъ актахъ этого вѣка еще продолжаетъ жить взглядъ на государство, какъ на вотчину—въ грамотахъ, посылаемыхъ воеводамъ въ города, послѣдніе называются всегда „отчиной великаго государя". А населеніе, въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ, разсматривается по прежнему, какъ „холопы, сироты и богомольцы". Слово „подданный", объединившее всѣ разряды населенія въ одномъ понятіи государственнаго подданства, появляется лишь при Петрѣ I. Подобно находящимся въ личной зависимости (рабамъ или, впослѣдствіи крѣпостнымъ) неселеніе ввѣряло свою судьбу всецѣло личному усмотрѣнію государя. Воля государя для него была все. „На все на то его государева воля", „какъ его государя Богъ извѣститъ", такъ пусть и дѣлаетъ—обычныя выраженія холоповъ и сиротъ въ XVII вѣкѣ. Эти фразы повторяютъ даже народные представители на земскихъ соборахъ, когда ихъ спрашиваютъ объ ихъ мнѣніи.

На всякое дѣйствіе государя населеніе смотритъ какъ на милость. Избавленіе отъ насильника-воеводы—милость, жалованье за службу—милость, судъ—милость, созывъ земскаго собора тоже милость. По крайней мѣрѣ, прося царя обо всемъ этомъ, населеніе проситъ, какъ о милости. Если это даже форма, то и форма характерна. Но это было не только формой. Такія отношенія между властью и населеніемъ, при которыхъ удовлетвореніе его законныхъ нуждъ разсматривается не какъ право, а какъ милость, должны быть названы скорѣе патріархальными, чѣмъ государственными. Послѣднія понятія возникли не на зыбкомъ

основанiи личнаго усмотрѣнiя государя, а на твердомъ основанiи законовъ.

Не даромъ царь вмѣшивался даже въ частную жизнь своихъ подданныхъ—устраивалъ между ними браки. А „тишайшiй царь“ Алексѣй Михайловичъ попросту выталкивалъ изъ думы перечившихъ ему маститыхъ бояръ.

Далѣе, хотя уложенiе царя Алексѣя обнимало многiя области государственной жизни—однако, не всѣ. Въ немъ не было основныхъ законовъ, опредѣляющихъ дѣйствiя учрежденiй и, главное, дѣйствiя верховной власти. Поэтому она и получила такой личный произвольный характеръ.

Въ мѣстномъ управленiи—воеводскомъ—остался еще взглядъ на общественную должность, какъ на частное достоянiе. Воеводы посылались въ города для поправленiя средствъ, разстроенныхъ на военной службѣ—„покормиться“, по тогдашнему выраженiю.

Наконецъ, хотя верховная власть отказалась отъ частнаго взгляда на управленiе государствомъ и стала руководиться началомъ общаго блага, тѣмъ не менѣе, въ населенiи правительственная дѣятельность еще отдѣляется отъ народной. Народъ различаетъ „государево дѣло“ (казенное) отъ „земскаго“ (народнаго). „Государево и земское дѣло“ еще не слились въ его сознанiи въ одно „государственное“ дѣло.

V.

1. Общiй ходъ государственнаго объединенiя и установленiя единодержавiя. О нацiональности московской формы верховной власти.

Какъ видимъ, государственное объединенiе Руси и установленiе единодержавiя представляетъ изъ себя чрезвычайно сложный процессъ.

Оно не можетъ быть представлено, какъ личное дѣло московскихъ князей-собирателей, какъ выполне-

ніе сознательно поставленнаго плана. Московскіе князья, несомнѣнно, внесли въ это дѣло очень крупную личную лепту, но они дѣйствовали изъ корыстныхъ цѣлей, имѣвшихъ въ виду исключительно интересъ своей фамиліи, своей династіи. Государственный интересъ долгое время былъ имъ совершенно чуждъ и они нерѣдко дѣйствовали вопреки ему, допуская до самаго послѣдняго времени раздробленіе территоріи и власти. Планъ у нихъ былъ, но планъ не выходилъ изъ скромныхъ предѣловъ примысловъ обогащенія. Онъ расширился подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій, помимо воли московскихъ князей. Ходъ историческихъ событій подсказалъ „собирателямъ" другую цѣль, государственную, даже міровую, забраковалъ первоначальный планъ и выставилъ новый болѣе солидный— планъ государственнаго объединенія Руси, образованія русскаго государства на основѣ единодержавія. И московскіе князья изъ простыхъ собирателей-примыслителей, скопидомовъ, обратились волею судебъ въ національныхъ—государей выполнителей государственныхъ и даже міровыхъ задачъ.

Другими словами, наряду съ вполнѣ сознательною дѣятельностью въ процессѣ государственнаго объединенія Руси и установленія единодержавія шла дѣятельность безсознательная, стихійная. Къ числу послѣднихъ, стихійныхъ силъ, должны быть отнесены татарское владычество, образованіе Литовскаго княжества и паденіе Византіи, какъ наиболѣе повліявшія на процессъ московскаго собиранія Руси.

Въ государственномъ объединеніи Руси принимали участіе всѣ мѣстныя силы, все населеніе, въ особенности же церковь.

Каждый внесъ свою лепту въ общее дѣло, но, внося ее, онъ разсчитывалъ получить взамѣнъ этого удовлетвореніе своихъ групповыхъ, классовыхъ интересовъ. Въ мѣру послѣднихъ оказывалась имъ и под-

держка. Государственное объединеніе, такимъ образомъ, должно было примирить различные интересы отдѣльныхъ классовъ населенія. На самомъ же дѣлѣ этого не произошло. Интересы были не примирены, а подавлены и скрыты до первой возможности прорваться и осуществиться.

Отсюда собирательная дѣятельность московскихъ князей идетъ далеко не гладко; поступательное движеніе ихъ встрѣчаетъ на своемъ пути препятствія. Наряду съ несомнѣннымъ содѣйствіемъ общественныхъ силъ, они встрѣчали противодѣйствіе, разрѣшившееся открытой борьбой населенія съ верховной властью и страшнымъ кризисомъ смутнаго времени.

Подъ давленіемъ обстоятельствъ, требовавшихъ сосредоточенія власти, и вслѣдствіе разрозненности классовыхъ интересовъ (слабости оппозиціи) побѣда въ этой борьбѣ осталась на сторонѣ верховной власти. Но побѣда была неполная, доказательствомъ чего служитъ фактическое ограниченіе верховной власти (въ пользу церкви и боярства) и несмолкающая оппозиція, добившаяся на время, правда, въ несовершенной формѣ, даже и юридическаго ограниченія верховной власти на время (земскіе соборы).

Въ то время, о которомъ мы говоримъ, верховная власть не достигла вполнѣ самодержавной формы. Слово „самодержецъ", часто встрѣчающееся въ актахъ и литературныхъ памятникахъ этого времени, употребляется вначалѣ для опредѣленія власти, независящей отъ другой, иноземной власти, что необходимо нужно было отмѣтить послѣ освобожденія Руси отъ татарскаго владычества. Затѣмъ слово „самодержецъ" входитъ въ обиходъ у московскихъ государей, употребляется ими при дипломатическихъ сношеніяхъ, присоединяется къ титулу. Но это не больше, какъ притязаніе. Дѣйствительность не отвѣчала ему вполнѣ. Положеніе всегда опредѣлялось личностью царствовав-

шаго. Иванъ IV, заявившій наибольшее притязаніе на самодержавство, и сдѣлалъ въ этомъ направленіи больше другихъ. Но ему пришлось выдержать жестокую борьбу и онъ же первый обратился къ содѣйствію „земли", созвавъ первый земскій соборъ.

На самомъ дѣлѣ московскимъ государямъ удалось установить несомнѣнно единодержавіе и то въ полномъ смыслѣ этого слова лишь въ самомъ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, когда уже не было никакихъ удѣловъ, и власть избранныхъ землею государей простиралась на всю территорію русской земли, безраздѣльно. Таким государями были Годуновъ и Романовы. Во второй половинѣ XVII вѣка единодержавіе замѣтно склоняется къ самодержавію.

Сложность процесса государственнаго объединенія Руси и участіе въ немъ развитыхъ силъ (различныхъ вліяній) въ частности отразились на характерѣ и внѣшнихъ формахъ верховной власти. Московскій князь имѣлъ передъ собой реальный образъ—царя въ видѣ татарскаго хана и идеальный образъ византійскаго императора. Въ то же время самъ онъ представлялъ изъ себя типъ князя-вотчинника, князя-домовладыки. Всѣ три образа запечатлѣвались въ душѣ князя и подъ перекрещивающимся вліяніемъ трехъ типовъ власти создалась одна власть,—верховная власть московскихъ государей, въ смѣшанной формѣ, куда вошли черты всѣхъ трехъ типовъ власти. Поэтому власть московскихъ государей лишена полной опредѣленности и (юридической) законченности. Наиболѣе опредѣленно и ярко въ ней выступаетъ личный элементъ и тѣсно съ нимъ связанный элементъ безусловности, унаслѣдованный ею отъ всѣхъ трехъ типовъ власти.

Въ частности на счетъ византійскаго наслѣдства и вліянія должно быть отнесено возвышеніе авторитета власти признаніемъ ея богоустановленности и преемства отъ византійскихъ императоровъ. Византіи

же обязаны московскіе государи знаками внѣшняго отличія своей власти. Татарскому же и отечественному (туземному) вліянію мы обязаны установленіемъ отношеній власти къ населенію, покоившихся на патріархально-крѣпостныхъ началахъ, что выражалось въ характерныхъ названіяхъ трехъ разрядовъ населенія— холопами (служилые люди), богомольцами (духовенство) и сиротами (посадскіе и крестьяне).

Въ заключеніе нѣсколько словъ о національности верховной власти.

Наши „націоналисты" видятъ въ московской формѣ верховной власти—во-первыхъ, нѣчто вполнѣ самобытное, во вторыхъ, такую національную сущность, безъ которой немыслимъ русскій народъ и которую поэтому надо свято хранить нерушимой, иначе русскій народъ обезличится, какъ національность.

На это можно вполнѣ резонно возразить. Во-первыхъ, самобытность московской формы верховной власти, если помнить участіе въ ея образованіи азіатскихъ и византійскихъ вліяній, подлежитъ большому сомнѣнію. Во-вторыхъ, связь ея съ русской національностью не настолько кровна, чтобы съ разрушеніемъ формы верховной власти разрушилась самая національность Какъ намъ извѣстно, связь московской формы верховной власти случайна. Она образовалась въ моментъ проявленія національнаго сознанія и сдѣлалась носителемъ этого сознанія, но такъ же случайно, какъ случайно русское національное сознаніе нашло себѣ содержаніе въ охранѣ правовѣрія. Оно признало себя сосудомъ истинной вѣры и, естественно, власть, ставшая на стражѣ сосуда, легко сдѣлалась національной.

Но, если даже допустить, что у данной формы власти есть болѣе прочная и дѣйствительная связь съ русской національностью, завязавшаяся за періодъ ея

долговременнаго существованія и основанная на такихъ крупныхъ заслугахъ, какъ государственное объединеніе и оборона страны, то и въ такомъ случаѣ видѣть въ извѣстной формѣ власти такую національную сущность, которая вѣчна, ни съ чѣмъ не сообразно—ни съ истиннымъ пониманіемъ національности ни съ исторіей.

Національность не есть что-либо неизмѣнное и извѣчное; какъ все въ мірѣ она подлежитъ развитію, движенію, а стало быть, и измѣненію. Состоитъ она не въ извѣстныхъ формахъ, а въ содержаніи, наполняющемъ эти формы, въ культурѣ народа, его духовной сущности, а не во внѣшнихъ проявленіяхъ. Содержаніе это, слѣдуя законамъ развитія, измѣняется и подъ вліяніемъ перемѣнъ, происходящихъ въ содержаніи, неизбѣжно мѣняются облекающія его формы, онѣ лопаются, какъ лопается на выросшемъ человѣкѣ одежда, и отметаются, какъ негодныя къ употребленію. Это неизбѣжно и само собою понятно. Достоинство каждой формы жизни опредѣляется, такимъ образомъ, соотвѣтствіемъ ея данному историческому моменту, даннымъ потребностямъ и въ этомъ состоитъ ея національная цѣнность. Поэтому, нѣтъ ничего ошибочнѣй, какъ полагать, что извѣстная форма жизни можетъ разсматриваться, какъ неизмѣнная, неприкосновенная сущность для даннаго народа. Такихъ формъ нѣтъ и быть не можетъ, разъ жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а движется отъ вѣка и до вѣка. Мечты найти неподвижныя формы такъ же безплодны, какъ мечты задержать теченіе жизни... Не можетъ, стало быть, оставаться неизмѣнной и неприкосновенной и форма верховной власти, выработавшаяся въ московскій періодъ, и разсматриваться отсюда, какъ національная сущность. Всякая форма власти постолько и до тѣхъ поръ національна, посколько и пока она удовлетворяетъ данному историческому моменту. Проходитъ историческій мо-

ментъ, должна исчезнуть и отвѣчавшая ему форма. Московская форма верховной власти возникла въ связи съ внѣшнимъ положеніемъ Россіи, и развившееся ея могущество и исключительность отвѣчали сильной внѣшней опасности при отсутствіи огранизованныхъ общественныхъ силъ молодого государства. Какъ внѣшняя опасность требовала сосредоточенія власти въ ущербъ свободѣ населенія, такъ отсутствіе у правительства собственныхъ средствъ для обороны страны и управленія потребовало закрѣпощенія всѣхъ сословій на обязательной вѣчной службѣ государству. Но этотъ историческій моментъ пережитъ страной и одна изъ формъ государственной жизни, т. е. крѣпостной строй, соотвѣтствовавшая ему, уже пала. Съ минованіемъ внѣшней опасности и заведеніемъ армій регулярныхъ войскъ и чиновничества, закрѣпощеніе населенія утратило смыслъ и оно было освобождено. Точно такъ же должна, въ силу историческаго закона, пасть, или лучше сказать, видоизмѣниться и другая форма государственной жизни, т. е. форма верховной власти.

	Короленко—Пріемышъ	3
	Дмитріева—Майна-вира	3
	Чириковъ—Маленькій грѣшн.	1
	Андреевъ—Баргам. и Гараськ.	1½
	Крецеръ—Исторія черного сюртука	1
	Крандіевская—Для души	2
	Чириковъ—Свинья	2
	Н.-Данченко—Старый замокъ	3
	Свирскій—Забракованный	2
	Костинъ—Ошибка	3
	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ	3
	Станюковичъ—За „Щуплень.	2
	Митропольскій—Вода	2
	Серафимовичъ—Месть	3
	Мельшинъ—Искорка	3
	Мельшинъ—Чортовъ яръ	4
	Андреевъ—Гостинецъ	2
	Андреевъ—Петька на дачѣ	2
	Дмитріева—Мама на войнѣ	3
	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2
	Бѣлоконскій—Страховка	2
	Ивашева—Мой день	2
	Короленко—Ночью	5
	Тимковскій—Среди людей	5
	Русова—Біограф Гарибальди	4
	Отч. Пар. не выуч. грам.	3
	Златовратскій—Мечтатели	4
	Н-Данченко—Махмуд. дѣти	3
	Ожешко—Гедали	3
	Юшкевичъ—Ханмка и Іоська	2
	Вересаевъ—Въ пути	1
	Франко—Самъ виноватъ	1½
	Алексѣевъ—Изъ-за хлѣб. нас.	1½
	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3
	Вересаевъ—Въ сух. туманѣ	2
	Митропольскій—Отсрочка	1
	Яблоновскій—Удружилъ	1
	Франко—Хорош. заработокъ	1
	Мать (съ армянскаго)	1½
	Остоп—Поденщикъ	2
	Некрасовъ и Никитинъ	4
	Бунинъ—Байбаки	3
	Петровскій—Не дался	1
	Дмитріева—Бѣлыя крылья	2
	Серафимовичъ—Въ бурю	3
	Яблоновскій—Конокрадъ	3
	Франко—На днѣ	9
	Какъ социл. крест. боролись	6
	Н-Данченко—Воскр. пѣснь	5
	Вересаевъ—Повѣтріе	4
	Бѣлоконскій—Дерев. Печальн	3
	Дмитріева—Волки	3
	Серафимовичъ—Степные люд.	3
	Митропольскій—На плотахъ	3
	Короленко—Черкесъ	4
	Вересаевъ—Звѣзда	1½
	Телешовъ—Противъ обычая	2
	Яблоновскій—Въ консульт.	3
59	Пѣсни труда	8
60	Темный—Сироткинъ	3
61	Сазановъ—Въ пути	3
62	Бунинъ—Надъ городомъ	1
63	Елпатьевскій—Отл. мой сок.	2
64	Станюковичъ—Эмигрантъ	3
65	Избр. стихот. Надсона	3
66	Андреевъ—Ангелочекъ	3
67	Андреевъ—Жили-были	3
68	Скиталецъ—Атаманъ	2
69	Серафимовичъ—Въ камышах	2
70	Рубакинъ—Дѣдушка-Время	7
71	Яблоновскій—Завѣтн. мечта	3
72	Елпатьевскій—Прислж. зас.	2
73	Вересаевъ—Къ спѣху	1
74	Серафимовичъ—На льдинѣ	3
75	Мельшинъ—Маленькіе люди	4
76	Булгаковъ. Что за стр. Япон.	5
77$_{2}$	Яковлева—Свидѣтель	8
78	Телешовъ—Хлѣбъ-соль	1½
79$_{2}$	Русова—На счаст. остров.	6
80	Короленко—Соколинецъ	7
81	Чириковъ—Коля и Колька	2
82	Елеонскій—Огорченіе	3
83	Русова—Братья Гракхи	3
84	Телешовъ—Нужда	1½
85	Изб. ст. А. Толстого и др. поэт.	3
86$_{2}$	Молодая жизнь	7
87	Золя—Кровь	3
88	Танъ—Елка въ Америкѣ	3
89	Успенскій—Будка	3
90	Короленко—Мгнов. и Огоньки	2
91	Пѣсни мира Сбор. стихот.	2
92	Н.-Данченко—Соловьин. ночь	1
93	Бѣлоконскій. Страш. мѣсто	1½
94	Мирбо—Бродяга	1
95	Поступаевъ—Пѣс. раб. жизни	10
96	Тимковскій—Травля	5
97	Нажнвинъ—Волосъ Мадонны	1
98	Франко—Къ свѣту	3
99	Чириковъ—Въ отставку	7
100	Зарницы—Сборникъ стихот.	5
101	Андреевъ—На станціи	1
102	Бунинъ—На край свѣта	1½
103	Рубакинъ—Искорки	5
104	Короленко—Маруснна заимка	10
105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5
106	Андреевъ—Въ темную даль	3
107	Андреевъ—Валя	2
108	Вересаевъ—Объ одномъ домѣ	3
109	Короленко—Послѣдній лучъ	3
110	Короленко—Морозъ	4
111	Мельшинъ—Въ плѣну	3
112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
113	Чириковъ—Танино счастье	7
114	Рубакинъ—Книгоноша	12
115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
116	Андреевъ—Весенніа обѣщанія	3
117	Нажнвинъ—Ложь	1½

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ на Дону.

118 Суздальцевъ.—Рич. Остеръ. . 3
119 Крюковъ—Въ родныхъ мѣст. 5
120 Короленко—Госуд. ямщики . 7
121 М. Конопницкая—Яктонъ . 1½
122 А. Яблоновскій—Нухимъ . . 3
123 П. Бутошинъ—Случай № 212 1
123. С.Русова—Какъ болгары добыли себѣ свободу 6
125 В. Короленко—На затменіи . . 3
126 Погорѣловъ—Въ глуши 3
127 Юшкевичъ—Кабат. Гейманъ 4
128 Наживинъ—Въ степи . . . 1½
129 Конопниц.—Мендель Гданскій 3
130 Пругавинъ—Милліонъ . . . 6
131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь 2
132 Гези—Благотворительность . . 2
133 Дикштейнъ—Кто чѣмъ живетъ 3
134 Какъ нѣмцы доб. себѣ своб. . 3
135 Короленко—Чудная 3
136 Бакур.—Какъ выб. нар. пред. . 1
137 Разрушенный молъ 1
138 Успенскій—Неизлѣчимый . . 5
139 Бунинъ—Черноземъ 2
140 Л. Андреевъ—Предст. кража 1½
141 Конопницкая—Дымъ 1½
142 Національная собраніе . . 1½
143 Новая нагорная проповѣдь . 1
144 Мѣстное самоуправленіе . . . 3
145 Права человѣка и граждан. 1½
146 Въ стр. своб. крест. (Норвегія) 3
147 Бирскій—Безъ исхода 3
148 О земельномъ вопросѣ 2
149 Сонъ подъ 1-е мая . . . 3
150^1 Пауки и мухи 1
150$_2$ Павуки та мухи 1
151 Сказаніе о царѣ Симеонѣ . . 5
152 Хватитъ ли на всѣхъ земли . 2
153 Что такое государ. роспись . . 3
154 Областное народоправіе . . . 1
155 Національн. рада (на малорос.) 2
156 О налогахъ (Хитрая механика)
157 Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ... . . . 3
158 Какъ франц. добыли свободу . 4
159 Л. Толст. Неуж. такъ надо? . 3
160 Л. Толстой—О смерт. казни . 1
161 Амичисъ.—Красная гвоздика . 2

162 Что такое тайн. под. голосовъ 1
163 Радловъ—Котлочистъ Ваня . .
164 Проектъ основ. зак. о землѣ . 6
165 Журавлевъ—Убійство 3
166 Юшкевичъ—Левко Гемъ . . . 3
167 Джаво (пер. съ арм.) 1½
168 Конопницкая—Юзефово . . . 4
169 Танъ—Истин. народн. предст. 4
170 Дѣти рабочихъ 1
171 Серафимовичъ—Подъ землей . 3
172 О. Зновиц.—Въ чертѣ осѣдл. 1½
173 Ив. Наживинъ—Братья . . . 2
174 Ивановичъ—Не поправилось . 2
175 Русова—Своб. респ. Швейц. 4
176 Львовичъ—Крестьян. и Дума
177 Новиковъ—Враги народа . . 15
178 Г. Джорджъ, его жизнь и учен.
179 Шевченко—Изб. стих (малор). 3
180 Поливановъ—Кончился . .
181 Какъ мужичекъ въ долгу ост.
182 Не въ моготу . . . .
183 Почему бѣдна Россія . . . .
184 Костинъ—Одинъ . . . . . .
185 Радловъ—Пошумѣли 5
186 Товарищъ, не измѣняй . . . 1
187 Народный трибунъ Бабефъ 1
188 Радловъ—Семенъ 3
189 Волкенштейнъ—Почему треб. своб. личности 1
190 О. В. Почему треб. своб. сход. 1
191 Суздальцевъ— - Анг. рабоч. . прежде и теперь . . . . . .
192 Должностное лицо (палачъ) .
193 Что видно въ подзор. трубу
194 Голубевъ—Что сказали наши представит. Царю . . . . .
195 Голубевъ—Что министры . сказали нашимъ представит.
196 Львовичъ—Крест. и партіи въ Думѣ . . . .
197 Волкенштейнъ—Женщ. - изб.
198 Въ помощь читат. разбор. нов. кн } Аграрный вопр. Избират. право Рабоч. вопросъ. 5
199. Гези Антуанъ. Матье . . . 4
200. Короленко. Сонъ Макара. . 6

Главный складъ: Ростовъ на Дону, Казанская ул., 42.

ОТДѢЛЕНІЕ:

Петербургъ, Спасскій пер. 5, кв. 1.

Собст. склады: въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Томскѣ.
Лица, выписывающ. на 3 р., за пересылку не платятъ.

Книжн. маг. 30% скидки.

Выписыв. изъ Ростовск. склада свыше 20 р. въ Европ. Рос. за перес. по желѣзн. дор. не платятъ.

